

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

Истина
женщины

ЭКСМО

Чингиз Абдуллаев
Уйти и не вернуться

«PEN-клуб»

1995

Абдуллаев Ч. А.

Уйти и не вернуться / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1995

Это было необычное задание. Задание, которое трудно выполнить – и еще труднее вернуться после исполнения. Задание, которое под силу только суперпрофессионалам. И они отправлялись на Восток – в страну, пылающую в гражданской войне, раздираемую на части интригами международных спецслужб. Восемь агентов из России. Восемь человек, идеально подготовленных к предстоящей работе. У них – великолепные `легенды`. Они знают местные языки, нравы, обычаи. Они не знают только одного – удастся ли выжить хоть кому-нибудь из их команды...

© Абдуллаев Ч. А., 1995

© PEN-клуб, 1995

Содержание

Часть I	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	20
ГЛАВА 6	23
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	30
ГЛАВА 9	33
ГЛАВА 10	36
ГЛАВА 11	40
ГЛАВА 12	43
ГЛАВА 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чингиз Абдуллаев

Уйти и не вернуться

*ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ,
обманутым и забытым, преданным и брошенным,
посвящая эту книгу*

Часть I «УЙТИ...»

ГЛАВА 1

«Чтобы постичь окружающий нас мир, нужно знать его во всех подробностях, а так как этих подробностей почти бесчисленное множество, то и знания наши всегда поверхностны и несовершенны».
Ларошфуко

Они шли впятером уже третий час. Машков боялся сглазить, не пытаясь смотреть на часы.

Сначала их было семеро. Но в этом лесу двоих они потеряли. Это был неплохой результат, если считать, что до назначенного места им оставалось идти около двух часов.

Все пятеро были офицерами. И все знали, как трудно будет пройти именно эти оставшиеся два часа. Каждый старался ступать мягко, почти бесшумно, готовый в любой момент вернуться от смерти, в каком бы облике она ни предстала.

Нервы были на пределе. Машков боялся, что кто-то из его людей может просто не выдержать такого чудовищного напряжения. Все знали, что будет трудно. Очень трудно. Но никто не думал, что будет настолько трудно.

Впереди шел старший лейтенант Чутов. Высокий, немного флегматичный в жизни, он преобразался в минуту опасности. От его реакции, мгновенного решения зависел во многом и успех всей группы. Если он ошибется хотя бы на две-три секунды, группу просто уничтожат.

Вторым шел лейтенант Хабибулин. Несмотря на молодость, он был дважды мастером спорта, совершил более двухсот прыжков с парашютом, из них трижды опускался на неизвестную ему территорию. Хабибулин должен был принять удар на себя, если Чутов вдруг ошибется.

Третьим осторожно крался капитан Борзунов. Он воевал еще в Афганистане, молодым лейтенантом уходил со своим взводом, прикрывая отход танковых колонн. Имел орден за те тяжелые бои. Борзунов нес рацию. Он был самым выносливым и самым опытным из всей группы. Но командиром группы, по воинской традиции, был старший по званию – майор Машков.

Машков тоже успел повоевать в Афгане, принимал участие в разоружении боевиков в Абхазии, сражался в Таджикистане. Правда, на границе он был ранен и на полгода выбыл из строя, что могло сказаться на его подготовке и выносливости. Но, учитывая его боевой опыт, командование все же сочло возможным назначить его командиром этой офицерской группы.

Замыкал цепочку старший лейтенант Дубчак. Немногословный, вечно молчаливый Дубчак был незаменим при отходах и маневрах группы, когда он со своим пулеметом отвлекал внимание нападавших.

Дубчак попал в группу сразу из Чечни, где его взвод выполнял специальное задание по захвату некоторых, особо отличившихся, преступников.

Все пятеро офицеров, вошедших сегодня утром в этот лес, знали, что выйти они могут только вместе. Пройти в одиночку через весь лес не сумел бы никто. Но пройти группой было тоже нелегко.

Справа послышался треск. Все пятеро сразу замерли. Уже отработанным движением двое членов группы развернули автоматы направо – Хабибулин и Машков.

Чутов, чуть скосив глаза направо, по-прежнему смотрел вперед, а Борзунов, наоборот, повернулся налево.

Все пятеро были отличными профессионалами и хорошо знали, что нельзя поворачиваться на любой шум всей группе.

Шум мог быть отвлекающим маневром, а напасть на них вполне могли с другой стороны. Но на этот раз, кажется, все обошлось, тревога была ложной.

Чутов поднял руку. Все поняли без слов. Группа продолжала свое движение. По традиции, командир группы не имел права идти первым или замыкающим. Здесь ценились мозги, а не умение быстро стрелять. Поэтому командира берегли почти так же, как своеобразное знамя части, стараясь не подставлять его под пули.

В подобных операциях очень часто задачу, поставленную перед группой, в полном объеме знал только командир.

Хотя на этот раз никаких особых секретов не было. Они должны были выйти из этого леса через два часа. И, по возможности, – живыми. Это была их главная и самая трудная задача.

Справа снова послышался какой-то неясный шум, Борзунов недовольно покачал головой. Ему не нравились эти постоянные шумы.

Машков понял его без слов. Он показал на Хабибулина. Борзунов, дотронувшись до плеча Хабибулина, сделал отмашку вправо.

В это время Машков, чуть повернув голову, показал Дубчаку налево. Чутов замер впереди, стараясь не двигаться; мягко ступая, Хабибулин сделал несколько шагов вправо. Дубчак почти зеркально повторил его маневр, смещаясь влево.

Внезапно Чутов что-то почувствовал впереди. Именно почувствовал, а не увидел. Короткий взмах руки – и через мгновение лес наполнился громким треском автоматных очередей.

Все-таки Борзунов не ошибся. Справа нарочно шумели, чтобы отвлечь их внимание. Группа нападавших сосредоточилась слева.

Самым плохим в этой ситуации оказалось то, что Дубчак, сместившись влево, на какую-то долю секунды не успел заметить отмашки Чутова. Пуля попала ему прямо в лоб.

Машков под огнем нападавших сумел доползти до Дубчака и взять его пулемет. Развернувшись, он дал длинную злую очередь в ту сторону. Его трясло от волнения. Он так рассчитывал на Дубчака.

Чутов, продвинувшийся немного вперед, бросил две гранаты. После взрывов все стихло. Хабибулин, уже успевший вернуться, занял место Дубчака. Машков перешел на вторую позицию.

Короткая стычка отняла почти пятнадцать минут времени. Нужно было торопиться, они могли не успеть.

По знаку Машкова все четверо снова выстроились в цепочку.

– Сукин сын этот Барс, – негромко пробормотал капитан Борзунов, – так мучить людей. Ему никто не ответил.

Барсом они называли генерала, который сейчас наверняка обдумывал очередную пакость.

Следующие тридцать минут были относительно спокойными. Если не считать снайпера, засевшего высоко на дереве.

Чутов, у которого нервы были уже на пределе, его пропустил, но Борзунов успел выстрелить прежде, чем осознал, что блеск ружья снайпера несильно ударил ему по глазам.

Машков наконец посмотрел на часы. Оставалось еще сорок пять минут. А идти было далеко. Он начал подгонять группу, еще не зная, что совершает ошибку.

Вообще-то в этом проклятом лесу всего можно было ожидать. Но такого... Внезапно наступила темнота.

– Надеть очки, – почти неслышно приказал Машков.

Теперь весь окружавший их лес был виден лишь в инфракрасных лучах.

Они двигались цепочкой, но Борзунов шел немного боком, оберегая рацию. Видимо, это и сбило Хабибулина.

Он сделал два шага влево и сразу провалился в трясину. Кричать было нельзя. Лейтенант пытался вылезти сам, отчаянно размахивая руками, но уходил еще глубже в воду.

Борзунов хотел протянуть ему руку, но едва сам не оступился. Машков, развернувшись, коротко выругался и бросил Хабибулину пулемет, успев дернуть за отстегивающийся ремень.

Но лейтенанту уже нельзя было помочь.

Он уходил под воду, несмотря на все попытки выбраться.

– Уходите, – тихо попросил Хабибулин, – уходите. Вы опоздаете.

Машков все-таки хотел сделать еще шаг, но его остановил Чутов, лишь коротко покачав головой.

Трясина в этих местах была особенно безжалостной.

В этот момент снова раздались пулеметные очереди, и всем троим пришлось срочно покинуть место происшествия.

Уходя, Машков старался не оборачиваться, чтобы не видеть еще размахивающего руками Хабибулина.

Парень все понимал, показывая кивком головы направление на север.

Еще дважды им приходилось отстреливаться.

За десять минут до того, как они вышли из леса, темнота вдруг спала, и их обстрелял миномет. Затем сразу три дерева рухнули так, чтобы сбить кого-нибудь из них, но это было уже не самое страшное.

Перед самым выходом они едва не потеряли рацию, когда очередной снайпер попытался подбить этот небольшой ящик на спине Борзунова. Но в этот раз Чутов не подвел. Он снял снайпера длинной автоматной очередью, израсходовав весь магазин, что было против всяких правил.

Наконец без двух минут три они вышли к павильону номер четыре, войдя под стеклянную крышу.

И в этот момент появился Барс.

– Неплохо, – кивнул генерал, – прошли лес совсем неплохо. Даже рацию сберегли.

Они тяжело дышали, уже считая, что все трудности позади. Но они плохо знали своего генерала. В тот самый момент, когда капитан Борзунов стаскивал с себя этот чертов ящик, крыша павильона внезапно лопнула. Сверху по ним ударил автоматной очередью спрятанный там снайпер.

Если бы Борзунов не поторопился со своей рацией, он бы обязательно успел увернуться.

Чутов и Машков бросились в угол павильона, отстреливаясь. Борзунов получил свою очередь прямо в живот.

– Вы убиты, капитан, – спокойно произнес Барс, – сигнала об окончании прохождения зоны никто не давал. У вас было еще полминуты.

Со страшным выражением лица Борзунов выхватил свой автомат и выстрелил в генерала.

Но он опоздал. Барс успел первым. Синяя краска больно ударила капитана по лбу.

ГЛАВА 2

В этот день неприятности начались с самого утра. Без всякого предупреждения к ним на заставу прилетел командир отряда. Вот уже одиннадцать месяцев подполковник не делал подобного, такого от него никто просто не ждал. Конечно, дежурные спали, одного из ребят вообще не было. Он отправился в ближайшее селение. А старший лейтенант Никитин, перебравший вчера сверх меры, лежал в своей комнате почти в бессознательном состоянии.

Узнав о прибытии руководства, начальник заставы капитан Шершов умудрился найти не совсем помятый мундир и даже успел одеться, пока вертолет шел на посадку. Еще повезло, что дежуривший на вышке сержант Машенко узнал номер вертолета командира отряда.

Из пятидесяти трех положенных по штату солдат застава имела только тридцать девять, а вместо шести офицеров и прапорщиков в наличии имелось четверо. Расположенная высоко в горах застава прикрывала единственную горную тропу, так полюбившуюся контрабандистам, и небольшое селение Бараш, насчитывающее всего пять десятков домов.

Проклинаая в душе все на свете, Шершов подбежал к спрыгнувшему с вертолета подполковнику.

– Товарищ подполковник, докладывает начальник заставы капитан Шершов...

– Потом доложите, – недовольно заметил подполковник Салтыков, – я не за этим.

Шершов увидел, как из вертолета выпрыгивают еще двое людей.

Один был в штатском плаще – дородный, полный, грузный, другой – помоложе, в военной форме, но без погон. Увидев столько гостей, Шершов окончательно разозлился. В конце концов, Салтыков мог бы его предупредить о своем приезде. Здесь они не в игрушки играют. В любой момент может начаться обстрел с той стороны.

Он успел сделать страшные глаза Машенко, и тот побежал поднимать прапорщика, вчера вернувшегося из наряда.

Никитина разбудить не было никакой возможности, а третий офицер – лейтенант Пономарев, утром отправился проверять посты. В связи с нехваткой людей и офицеров они придумали довольно смелый план несения дежурств. Посты прятались в специально замаскированных местах с таким расчетом, чтобы видеть перед собой ту самую, трижды проклятую тропу. Два поста были расположены справа и слева от тропы так, чтобы видеть друг друга и прийти на помощь в случае необходимости. На первом посту они даже оборудовали позицию для гранатометчика. Остальные два поста были кочующими, проверяющими нижний склон горы, где проходила государственная граница.

Но гости не обращали никакого внимания на его заставу. Они даже не посмотрели на новый бак с водой, стоивший Шершову таких усилий. Просто они сразу отправились в кабинет начальника заставы. Вспомнив, что там царит относительный порядок, Шершов успокоился.

– Ну что, Шершов, – спросил подполковник, по-хозяйски усевшись на стул, – спокойно тут у тебя?

Остальные двое гостей пока молчали.

– Как сказать, – осторожно ответил капитан, не зная, что следует говорить в присутствии незнакомых людей.

– Давно не стреляют? – спросил Салтыков.

– Уже дней десять. Как ранили Алимова, с тех пор никто не стреляет, – показал Шершов рукой в сторону Афганистана.

Это был один из самых сложных участков таджикско-афганской границы, и Шершов знал, что в отряде Салтыкова не бывает и одной недели без тяжелых потерь. Слава богу, здесь, высоко в горах, царил относительный порядок. Отрядов оппозиции тут не было, а контрабандистам лишний шум был ни к чему.

– Засиделся ты, Шершов, на одном месте, – вдруг сказал Салтыков. – Сколько здесь уже?

– Да почти восемь месяцев, – посчитал Шершов.

– Завтра вечером поедешь в Душанбе получать новое назначение.

– Что случилось? – испугался Шершов.

Салтыков так с ним никогда не разговаривал.

– Ничего не случилось. Просто привез приказ. Ты переводишься в другое место. Спокойное, хорошее место на границе с Америкой.

– Где? – изумился Шершов.

Карту он еще помнил:

– Разве у нас есть граница с Америкой?

– Хватит болтать, – стукнул кулаком по столу Салтыков. – Приказ есть приказ. Поедешь на Чукотку заместителем командира отряда.

– В Сибирь? – Шершов подумал, что перепил вместе с Никитиным.

– Успокойся, капитан, – вдруг сказал один из гостей в штатском плаще, – товарищ подполковник немного преувеличил. За отличную службу вы получаете новое назначение. И, кстати, досрочно – звание майора.

Шершов окончательно решил, что над ним издеваются.

– А семья? – спросил он пересохшими губами.

– Вызовите семью из Новосибирска. – Этот тип даже знал, где находится его семья.

– Но почему? – наконец выдал Шершов.

– Это другой вопрос. Товарищ Салтыков вам все объяснит.

– Понимаешь, – сказал подполковник, показывая на все время молчавшего человека в военной одежде, – завтра вот этот... Словом, он пойдет нарушать границу на твоём участке.

– Нелегал, что ли, – догадался Шершов. – Сколько слов из-за одного нелегала.

За пятьсот долларов на этой границе можно переправить любого человека, любой груз. Шершов хорошо знал, как закрывают глаза на эти нарушения некоторые офицеры соседних застав. Однако не только в его отряде, но и в других все офицеры знали: Шершов денег не берет. Еще пять лет назад, будучи лейтенантом-десантником, он воевал в Афганистане и был там тяжело ранен. После боя от его взвода осталась только половина. Шершов, провалявшийся по госпиталям почти год, был переведен из-за своего ранения на «спокойную» службу в пограничные войска. Тогда никто не мог даже представить себе, что государственная граница СССР окажется почти фронтовой зоной, а сама страна развалится на ряд кровотокающих кусков. Одним из таких страшных кровавых кусков стал Таджикистан.

Шершов не переносил «духов» – ни идейных, ни религиозных, ни разбойничьих. Ему было все равно, под какими знаменами шла на его участок очередная группа вооруженных людей. Он просто не пускал их – и все. О его непонятной принципиальности уже ходили легенды, но ему было наплевать на все разговоры и слухи. Он просто честно выполнял свой долг.

На таких российских офицерах, как Шершов, еще держалась вся система обороны границы. Они были неисправимыми идеалистами, продолжавшими верить в свои принципы.

– Завтра обеспечим проход, – кивнул Шершов.

«Странно, что в Афгане еще нужны наши разведчики, – подумал он. – За десять лет мы могли изучить эту страну достаточно хорошо».

– Ты не понял, – вдруг возразил Салтыков, – нужно не обеспечить проход. Завтра на твоём участке будет бой. Постарается прорваться банда Нуруллы.

– Откуда вы знаете? – вспыхнул Шершов. – У Нуруллы две сотни людей.

– Это будет отвлекающий маневр, – пояснил Салтыков, – в нападении примут участие не больше пятидесяти человек. Остальные пойдут на участке Зиновьева, но через три часа. По

их расчетам, мы вызовем к себе на помощь людей, оголив соседние участки. Вот тогда они и будут прорываться.

– Этот Нурулла слишком хитер, – разозлился Шершов. – Ничего, завтра мы их встретим.

– Завтра мы их встретим сами, – возразил Салтыков. – У Нуруллы есть «стингеры»?

– Конечно.

– Точно знаешь?

– Сам видел. И слышал.

– Тогда все в порядке. Завтра здесь будут два наших вертолета. Один пройдет несколько раз вон у того холма. Если у этих придурков есть «стингеры», они обязательно попадут в наш вертолет. Правильно?

– Там проходить нельзя. Идеальное место для обстрела. Это очень опасно.

– Вот и хорошо, – кивнул незнакомец в штатском плаще.

Под плащом была видна военная форма. Видимо, очень торопились, понял Шершов, не успели подобрать комбинезон или плащ подходящих размеров.

– Они собьют вертолет, – не понял его ответа Шершов.

– Пусть сбивают, – кивнул Салтыков, – вертолет будет радиоуправляемым. Там не будет людей. Кроме него, – показал он на второго незнакомца в военной форме.

– У вас не будет шансов, – изумился Шершов, – после прямого попадания «стингера» вертолет взорвется.

– Увидим, – улыбнулся этот тип. Голос у него был приятный. И улыбка вполне нормальная.

Шершов пожал плечами:

– В таком случае вы настоящий самоубийца.

– В вертолете будет специальное радарное устройство, – пояснил Салтыков. – Оно сигнализирует о приближении ракеты за пять-семь секунд до взрыва.

– А как он выпрыгнет? Там такой крутой склон. И высота совсем небольшая. Парашют просто не успеет раскрыться.

– У него не будет парашюта, – пояснил человек в штатском плаще, – для того чтобы удачно приземлиться, есть много других приборов. Вы же летали в самолетах – знаете, как там надевают специальные жилеты, которые раскрываются при падении в воду.

– Но у нас нет реки или моря.

– Ничего. Ученые разработали другой тип жилета, вполне пригодный для ваших гор.

Шершов с уважением посмотрел на молчавшего гостя в военной форме. На вид ему было лет сорок.

– Трудная у вас профессия, – сказал он. – Значит, это из-за вас меня переводят на Чукотку?

– Простите, – развел руками незнакомец, – я тут ни при чем.

– Ладно, – поднялся Шершов, – каждый делает свое дело.

Все-таки нужно разбудить Никитина, с досадой подумал он. Надо же, так напился вчера, сукин сын. Жаль, не успею ничего сделать этому паразиту. Наверняка завтра и увезут.

На следующий день все произошло так, как говорил Салтыков. Сначала в бой пошло несколько человек, затем, обстреляв границу из пулеметов и минометов, пошли все пятьдесят бандитов. При этом шум они создавали такой, что вполне можно было принять их за всю банду Нуруллы.

Появившиеся два вертолета довольно лихо обстреляли банду, уничтожив добрый десяток нападавших. Когда один из вертолетов опасно завис над склоном горы, раздались характерные щелчки «стингеров». Первая ракета прошла мимо. Вторая вообще не долетела. Третья попала в цель. Шершов и Салтыков, внимательно следившие за ходом боя, сумели заметить, как за секунду до взрыва из вертолета успел выпрыгнуть незнакомец. Потом был взрыв.

– Ну все, – сказал Салтыков, опуская бинокль и обращаясь к гостю в штатском, – мы свое дело сделали, товарищ генерал.

Только тогда Шершов понял, какой важности была эта операция.

А с Никитиным ему разобраться действительно не дали. Сразу после боя его увезли на вертолете в штаб, а оттуда почти под конвоем доставили в Душанбе. Уже на следующий день он был на Чукотке. Через месяц приехала жена с детьми.

Иногда длинными зимними ночами Салтыков вспоминал того незнакомца, выпрыгнувшего из вертолета. И каждый раз в душе искренне желал ему удачи.

ГЛАВА 3

– Это было правильное решение – выстрелить в меня, – похвалил Борзунова генерал, – но запоздалое. Хотя с вашим «решением» нельзя делать таких резких движений.

Машков и Чутов, тяжело дыша, поднимались с земли.

– Отбой. Зона пройдена, – наконец сказал генерал, – а вы, Борзунов, только тогда спохватились, когда получили пулю в живот. Сколько раз говорил – нельзя расслабляться. Самое страшное, это когда вы считаете, что все трудности позади. Вот тогда человек расслабляется – и все.

У павильона появились Дубчак и Хабибулин. Последний был весь мокрый. Установленный под искусственным болотом механизм действительно утащил его под воду на целых полминуты. Дубчак уже успел смыть краску с головы, куда попали «вражеские» снайперы.

– Можете сесть, – махнул рукой генерал, – разбор прохождения зоны будет позже. Еще двое ваших ребят уже в компьютерном зале, пытаются проанализировать свои ошибки.

Машков просто сел на землю. Борзунов так и остался лежать, только положил руку под голову. Чутов прислонился к искусственному дереву. Здесь все было искусственное, не настоящее. Это была зона «А» – маршрут для особых групп специального назначения. На этом полигоне отрабатывали свои действия специалисты Главного разведывательного управления Министерства обороны России.

Зона «А» была самым сложным полигоном, какой только могла представить изощренная человеческая и компьютерная фантазия. Прошедшие эту зону без потерь офицеры считались сдавшими экзамен на «отлично». Некоторые уверяли, что раньше зона была намного легче. Но после приезда сюда Барса в ней появилось столько неприятных сюрпризов, что офицеры дружно окрестили зону «адским треугольником».

Зона занимала территорию примерно в пятнадцать-семнадцать километров в длину, но, разбитая на участки, удлиняла маршрут группы в пять раз.

Придуманные на каждом шагу ловушки, электронные снайперы, компьютерные группы, стреляющие из всех видов оружия, делали этот маршрут настоящим испытанием.

Единственным принципиальным отличием, действительно введенным Барсом, о котором никто не спорил, была «синяя краска». Если раньше автоматы, пулеметы и минометы стреляли красной краской, отмечая попадание, означавшее «смерть» или «ранение», то теперь по настоянию Барса стреляли только «синей краской».

Вернувшийся из Афганистана генерал не любил красной краски, так напоминавшей кровь его погибших товарищей.

– Дубчак, – жестко сказал генерал, – это же элементарный трюк. Отвлекают с одной стороны, стреляют с другой. Вам не обязательно было видеть отмашку Чутова. Самому нужно думать. Поэтому и получили пулю в лоб. А вы, Хабибулин, не обратили внимания, как все время шел Борзунов, немного боком. Вы сначала шли впереди, а после того, как Дубчак выбыл, заняли его место. Но назад вы не смотрели. Нужно видеть, как идут ваши товарищи, даже позади вас. Это была ваша ошибка. В пути нужно замечать все.

Все пятеро молчали, сознавая, что подробный анализ их «путешествия» не сулит им ничего хорошего.

– А вы, Чутов, – добавил генерал, – дважды ошибались. И оба раза вас выручал капитан Борзунов. Вы напрасно думаете, что главное – самому оставаться в живых. Ваша задача – прежде всего уберечь группу от потерь. А задача майора Машкова – не терять своих людей. Хабибулина можно было спасти, даже несмотря на наши приборы. Автоматическое реле, действовавшее в воде, рассчитано на усилие два «д» – двух людей. Вдвоем с Борзуновым вы могли бы вытащить Хабибулина из воды. Во всяком случае, попытаться.

– А вы бы включили реле на четыре «д». И еще бы ударили по нашей группе с тыла, – устало возразил Машков.

– Обязательно, – кивнул генерал, – но даже в этом случае нужно пытаться спасти товарища. Даже зная, что я дам четыре «д». А вдруг не дам? А вдруг передумаю? Или меня позовут куда-нибудь. Или я решу, что ваши усилия достойны вознаграждения?

Машков устало кивнул головой:

– Согласен.

– А вообще будьте готовы к еще одному переходу, – вдруг сказал генерал, – завтра утром. Посмотрим, как сильно вы устали.

С этими словами Барс повернулся и вышел из павильона, оставив измученных офицеров в состоянии, близком к шоку. Еще одно такое испытание после сегодняшнего пути казалось невероятным.

Но каждый из них знал, что завтра утром все выйдут на новый маршрут и снова будут пытаться пройти его без потерь, стараясь обмануть компьютерные ловушки генерала.

– Вот мерзавец, – выдохнул Борзунов, – как он меня поймал в павильоне. За полминуты до конца.

– Это его любимый номер, – мрачно изрек Чутов. – Раньше он вообще стрелял сам, а потом все объяснял.

– Кончайте разговоры, – поднялся Машков, – операторы слышат каждое ваше слово.

Генерал в это время успел выйти из зоны и шел по коридору компьютерного центра. Он впервые подумал, что эта группа подготовлена чуть лучше остальных.

Навстречу ему, чуть прихрамывая, спешил дежурный по части подполковник Снегирев. У подполковника не было левой ноги, но он имел такой колоссальный боевой опыт, что по просьбе генерала был оставлен в центре, несмотря на свою инвалидность. Но для этого пришлось получить согласие самого министра обороны. К счастью, министр лично знал и генерала, и Снегирева, когда воевал вместе с ними в Афганистане, и поэтому дал особое разрешение.

– Что случилось? – спросил генерал у Снегирева. – Почему такая спешка?

– Гости приехали, товарищ генерал, – доложил подполковник и уже тише добавил: – Акбар Алиевич, из Москвы, из аппарата, сам Орлов прилетел.

– Ясно, – генерал нахмурился, но продолжал идти так же спокойно и неторопливо.

Генералу Акбару Асанову было сорок три года. всю свою жизнь он работал в одном учреждении – в ГРУ Министерства обороны.

По не зависящим от него обстоятельствам три года назад он все-таки формально поменял место работы, не меняя его фактически. До 1992 года он был офицером ГРУ Министерства обороны СССР, после Беловежских соглашений стал офицером ГРУ Минобороны России.

Таджик по национальности, он родился в пятьдесят первом, в Горьком, где работал его отец, инженер Али Асанов. В Горьком прошло детство Акбара – первые шесть лет. Затем семья переехала в Ташкент, где Акбар пошел в первый класс.

В конце пятидесятых, когда человечество отчаянно рвалось в космос, когда Советский Союз, одержавший победу над фашизмом, уже успел восстановить свое народное хозяйство, когда двадцатый съезд партии, казалось, навсегда похоронил саму идею сталинизма, заложив основы либерального социализма, когда заведомо несбыточные планы и прожекты вписывались во всевозможные программы – начал формироваться особый тип людей, которых позднее назовут «шестидесятниками». Одним из таких людей был и отец Акбара, не успевший пройти через лабиринты ГУЛАГа и познать непостижимые отчаяние и страх. Но успевший возненавидеть систему, так легко расправляющуюся с надеждами и судьбами людей.

Взгляды отца во многом сказались на формировании характера Акбара, но наложенный на пионерско-комсомольское детство идеализм «шестидесятников» делал человека настоящим адептом системы.

В шестьдесят шестом Акбар закончил школу. К этому времени отец был уже директором большого объединения, депутатом республики.

Вопрос, куда поступать, не стоял. Акбар с детства мечтал быть дипломатом, видеть разные страны.

Кроме родных для себя языков – русского, узбекского и таджикского – он владел довольно неплохо французским. Экзамены в МГИМО он сдал на «отлично». Но в первый год в институт не попал.

По разнарядке, выделяемой всем республикам, на место от Узбекистана мог претендовать только узбек. Это негласное правило никогда не нарушалось, и на самом высоком уровне было принято решение о невозможности учебы таджика Асанова в МГИМО.

На второй год он поступал по общему конкурсу, прямо в Москве. Повестка в армию уже лежала дома, когда пришла телеграмма о его зачислении.

На четвертом курсе его вызвали в какое-то учреждение. Долго говорили. Тогда он принял решение самостоятельно. И с тех пор вот уже двадцать лет он является офицером военной разведки.

В комнате его ждали.

Генерал-лейтенант Орлов был первым заместителем начальника ГРУ и отвечал за наиболее секретные операции за рубежом. Все говорили, что скоро он займет место начальника ГРУ.

Рядом с ним за столом сидел еще один человек. Высокий, лет сорока, подтянутый, с широкими плечами, выдававшими бывшего спортсмена. Светлые волосы делали его моложе своих лет. Правда, Акбар успел профессионально отметить упрямые складки морщин у бровей и подбородка. И шрам на левой руке он тоже заметил. Увидев генерала Асанова, оба гостя поднялись.

– Знакомьтесь, – представил Орлов незнакомого посетителя, – генерал Затонский, из Службы внешней разведки. А это – генерал Асанов, начальник нашего центра подготовки.

Они пожали друг другу руки. Сели за стол.

Почти неслышно отворилась дверь, и девушка в форме прапорщика принесла им три стакана чаю. Отдельно дала колотый сахар в вазочке и конфеты.

– Хорошо долетели? – спросил Асанов.

– Да, – Орлов подвинул к себе чай. – Горячий, – сказал он, потрогав двумя пальцами, – всегда любишь горячий чай.

– Так что же нужно от нас Службе внешней разведки? – Асанов неторопливо сделал несколько глотков. С Орловым они были на «ты» уже много лет.

– Хотим вашей помощи попросить, – улыбнулся Затонский.

Акбару не понравились его слова. Между ГРУ и КГБ всегда было тайное соперничество, своего рода состязание. А здесь вдруг генерал СВР просит помощи. Значит, история малоприятная.

– А чем мы можем помочь вашему ведомству? – постарался как можно веселее спросить генерал Асанов.

Затонский посмотрел на Орлова. Тот пожал плечами, отвернулся.

– Вы знали полковника Кречетова? – спросил Затонский.

– Немного слышал о нем.

Он не хотел раскрывать свои карты.

– А у нас есть сведения, что вы познакомились с ним в семьдесят восьмом, в Иране. Нам рассказывал об этом генерал Шебаршин, бывший резидент КГБ в Иране. Кречетов был его сотрудником. Теперь вспомнили?

Затонский явно иронизировал. И бывшую должность Шебаршина мог не называть. Генерала-разведчика Шебаршина знали все. И в ГРУ, и в КГБ, и сейчас в СВР.

– Вспомнил, – спокойно ответил Акбар, – хотя прошло семнадцать лет. Так какое у вас дело?

– Вы были друзьями? – снова спросил Затонский.

– Можно сказать, во всяком случае, он был хорошим профессионалом.

Затонский достал из кармана пять фотографий.

– Это его нынешняя фотография. Вы можете опознать, кто из них Кречетов?

Асанов молча взял пять фотографий и почти сразу выбрал одну.

– Вот этот.

– Очень хорошо, – Затонский убрал в карман все пять фотографий, – у вас хорошая память, генерал.

– Вы приехали сюда только для того, чтобы сказать мне это? – спросил Асанов.

– Нет. Для того, чтобы сообщить: полковник Кречетов попал в плен в Афганистане, к «духам».

– А что он там делал? Специальное задание?

– Его захватили на границе во время инспекции одной из застав, – терпеливо объяснил Затонский.

– Он еще жив?

– Пока да. Но шансов очень мало. Ему еще можно помочь.

Генерал Асанов все понял.

– Что нужно делать? – спросил он, не выдавая своего волнения.

«Афганистан снова напомнил о себе, – подумал генерал. – Он всегда в нашей крови».

Все считали тогда, что можно будет обойтись малой кровью. Или – крови не будет вообще.

ГЛАВА 4

В сентябре в Москву прилетел Нур Мухаммед Тараки. Неисправимый идеалист, романтик, так наивно верящий в социалистическую мечту, он возвращался на родину после 6-й конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран на Кубе. Находясь под впечатлением эмоционального, темпераментного выступления Фиделя Кастро, афганский лидер с увлечением рассказывал Брежневу об успехах социалистического строительства в его феодально-рабовладельческой стране.

В стране, где всех асфальтированных дорог было около двух тысяч километров, где девяносто процентов населения было неграмотным, мечтатель Тараки вдохновенно говорил о строительстве светлого будущего.

Всего за восемь месяцев семьдесят девятого Афганистан зеркально повторил все ошибки советского строя, сразу за десять-пятнадцать лет. Конфисковав почти шестьсот пятьдесят тысяч гектаров земли у крупнейших землевладельцев, феодальной знати, помещиков, ее раздали крестьянам. Двести девяносто семь тысяч крестьянских семей получили земельные наделы, которые тут же начали отбирать в сельскохозяйственные кооперативы. Это вызвало серьезное недовольство сельского населения и особенно отражалось на армии.

Улыбающийся и счастливый Тараки, встречавшийся с лидером одной из двух великих держав, еще не знал, что на родине его ждут мятежники. Что спустя несколько дней его арестуют, сместив со всех постов. Жить ему тогда оставалось не более месяца.

Но об этом не знал и Леонид Брежнев, справедливо считавший Афганистан своим сателлитом, почти Монголией на южных рубежах огромной империи. Об этом не знал даже Юрий Андропов, всезнающий и обо всем осведомленный председатель КГБ СССР.

Резиденты в Кабуле и по линии КГБ, и по линии ГРУ не заметили, как Х. Амин и его люди под прикрытием пустых идеологических лозунгов готовят военный переворот.

16 сентября Тараки был арестован у себя во дворце. Советники из СССР не могли понять, что происходит. Практически все руководство страны оказалось в заговоре против Председателя Революционного совета. Х. Амин сумел привлечь на свою сторону очень многих обещаниями, подкупом, лестью, угрозами. Переворот прошел почти идеально, если не считать нескольких убитых охранников.

Разгневанный Андропов отозвал три четверти своих резидентов из Афганистана, наказал многих аналитиков в собственном аппарате, снял начальника отдела. Но в Афганистане уже сидел Хафизулла Амин.

Брежнев, так толком и не понявший, что произошло, по совету Андропова и Громыко все-таки поздравил Амина с «избранием» на высокие посты в партии и государстве.

Но Андропов не умел прощать. Или забывать.

Уже на следующий день он начал готовить операцию по смещению Х. Амина.

Спустя несколько месяцев, когда советские войска уже войдут в Кабул, вся социалистическая пресса будет уверять мир в контрреволюционной деятельности Х. Амина и его приспешников.

В те дни газеты писали:

«За время нахождения у власти Х. Амин и его приспешники развернули репрессии против членов НДПА, демократических и патриотических сил страны, вступив в сговор с лидерами контрреволюционной эмиграции и ЦРУ США. Была ослаблена борьба с контрреволюцией внутри страны и созданы условия для усиления агрессивных действий империализма и реакции против Афганистана. Манипулируя социалистическими лозунгами, Х. Амин фактически способствовал дискредитации целей и задач апрельской революции 1928 года, превращению Афганистана в плацдарм империализма у южных границ СССР».

Все это было неправдой.

Х. Амин провозглашал абсолютно те же лозунги, что и Н. М. Тараки. Он собирался так же верно служить Советскому Союзу, как и его предшественник. Окружавшие его советники и специалисты, казалось, были самой надежной гарантией от любых потрясений с Севера.

После получения телеграммы Брежнева обнаглевший и осмелевший Х. Амин даже приказал умертвить своего предшественника, которого просто вывезли в мешке и 8 октября убили. Шла «элементарная» борьба за власть в «феодално-социалистическом обществе», лишенном какого-либо подобия демократии.

Более того, сам Х. Амин просил Советский Союз ввести войска. Ему все труднее было контролировать границу с Пакистаном, обеспечивая безопасность собственного режима.

Председатель Совета Министров А. И. Косыгин, которому были поручены переговоры с Тараки, а затем с Амином, делал все, чтобы убедить своих собеседников отказаться от ввода войск. Советское руководство действительно не хотело этого в середине года и даже после сентябрьских событий было не настроено вводить войска.

Сохранившиеся стенограммы бесед Косыгина с афганскими лидерами, его выступления на Политбюро ЦК КПСС, обсуждение этого вопроса ясно показывали: советское руководство не желало идти на риск военной авантюры. Афганцы продолжали настаивать. Андропов и его люди продолжали работать.

Но затем наложились друг на друга сразу несколько событий, и мировая история в результате круто изменилась.

В последующие годы историки и публицисты будут писать об афганской войне, о решении ввода войск без должного учета всей обстановки декабря семьдесят девятого. Словно решение принималось в абсолютном вакууме.

26 марта семьдесят девятого года в Вашингтоне Президент Египта Анвар Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин подписали Кэмп-Дэвидское соглашение. По позициям Советского Союза на Ближнем Востоке был нанесен сокрушительный удар. «Почетный гражданин Израиля» Андрей Громыко воспринял Кэмп-Дэвид как личное оскорбление.

В соседнем с Афганистаном Иране произошла революция.

16 января шах Мохаммед Реза Пехлеви бежал из страны, назначив регентский совет и поставив во главе правительства Ш. Бахтияра.

1 февраля в Иран вернулся Аятолла Хомейни. Уже через две недели правительство шахского Ирана пало, была объявлена исламская республика. Из страны было отозвано сорок тысяч американских советников. Но пощечина, нанесенная престижу США, требовала решительных мер.

На острове Диего-Тарсия в Индийском океане начались усиленные работы по расширению военной базы США. В Персидский залив начали заходить американские авианосцы и другие военные корабли.

4 ноября сторонники Хомейни захватили американское посольство, взяв свыше пятидесяти заложников-дипломатов. Мир дрогнул, понимая, что ответная акция может начаться в любую минуту. Это понимали и в Москве.

Через восемь дней в соседней Турции в отставку уходит левоцентристское правительство Б. Эджевита.

Пришедшая к власти Партия справедливости Сулеймана Демиреля позволяет американцам перебросить в страну еще несколько авиационных эскадрилий, сосредоточенных непосредственно у границ Ирана и СССР.

Еще через несколько дней, уже в декабре, консервативный премьер Великобритании Маргарет Тэтчер наносит визит в Белый дом.

Итогом этой встречи становится четкая, согласованная позиция США и Великобритании на декабрьской сессии НАТО. Несмотря на бурные протесты Советского Союза, сессия

НАТО принимает решение о развертывании в Европе новых систем ракетно-ядерного оружия средней дальности, нацеленных на советские города. Брежнев, получающий документы сразу из трех источников: из КГБ, Министерства обороны и Министерства иностранных дел, уже понимает, что цепь последних событий серьезно ослабила позиции СССР в мире как супердержавы. Страдают геополитические и экономические интересы империи.

А здесь еще Андропов почти ежедневно докладывает о «правом уклоне» нового афганского лидера.

Брежнев все еще сомневается, не решаясь на крайние меры. Косыгин, тоже не сторонник силового решения, понимает, во что это выльется экономически. Кормить огромную страну и еще армию, находящуюся в ней... экономика страны просто не может себе такого позволить. Как ни странно, но на первых порах против силового решения был и Громыко, считавший, что имидж миротворцев нужно сохранять хотя бы формально.

Черненко и Тихонов, недавно введенные в Политбюро, вообще не имеют права голоса.

Щербицкий, Кунаев, Гришин, Романов, Пельше по традиции занимаются только своими, внутренними для страны, хозяйственными вопросами.

Оставались четыре «монстра» – четверо старцев, имеющих право решающего голоса в Политбюро.

Если с Кириленко еще можно договориться, а с Устиновым Брежнев вообще любил общаться и охотиться, то остальных двоих он просто побаивался. Это люди, имевшие в Политбюро почти такой же авторитет, как он сам.

Секретарь ЦК КПСС Михаил Сулов и Председатель КГБ Юрий Андропов. От их мнения на Политбюро зависит очень многое. Очевидно, что Брежнев не обладал ни волей Андропова, ни заразной, какой-то неистовой убежденностью Суслова.

Заседание Политбюро намечено на вторую половину декабря. Но здесь в течение десяти дней происходят странные, практически необъяснимые вещи.

Хорошо зная, что руководство Советского Союза встревожено положением дел в мире, понимая, что декабрьское решение НАТО – очень сильный удар по позициям СССР в Европе, западные спецслужбы в этих условиях организуют подряд сразу две крупные провокации против СССР.

Расчет на то, чтобы подтолкнуть СССР к решительным действиям? Кому объективно выгодно вторжение войск СССР в Афганистан? Самому Советскому Союзу? Но он и так безраздельно правит в этой стране, заполнив ее своими советниками и консультантами. Но в соседнем Пакистане не прекращаются выступления против США, даже сожжено американское посольство, где погиб американский дипломат.

Только ввод войск СССР в Афганистан может ускорить решение пакистанского руководства о широком привлечении в страну американских специалистов.

Только война в Афганистане автоматически делает Пакистан прозападным государством с твердой американской ориентацией.

Но ввод войск нужен и Андропову, уже просчитавшему, как трудно убрать Амина и всю его верхушку. С одним Х. Амином справиться несложно, но что делать с этими предателями, так подставившими бывшего лидера Н. М. Тараки?

Теперь уже нелегко оценить, «чьи заслуги больше»: ЦРУ или КГБ, но две подряд провокации совершаются непосредственно перед самым заседанием Политбюро – 11 и 19 декабря¹.

11 декабря 1979 года у здания представительства СССР при ООН в Нью-Йорке взрывается бомба. По «счастливой случайности» никто не пострадал.

¹ Публикуется впервые. Запрещается использование любых материалов без согласия автора.

12 декабря посольству США в Москве вручена нота Министерства иностранных дел СССР «по поводу взрыва бомбы у здания представительства СССР при ООН в Нью-Йорке 11 декабря 1979 года».

Ровно через неделю в Мюнхене подожжено здание представительства Аэрофлота. Вновь по «счастливой случайности» никто не пострадал.

21 декабря посольству ФРГ в Москве вручена нота СССР «по поводу поджога и разрушения пожаром здания представительства Аэрофлота в Мюнхене 19 декабря 1979 года».

Кто совершил эти на первый взгляд совершенно бесполезные, пустые провокации?

ЦРУ или КГБ? В данном случае объективные интересы обоих ведомств совпадали.

Однако рискнем предположить, что это сделали все-таки американские «специалисты», ибо Андропов рассчитывал убедить своих коллег по Политбюро в возможности и необходимости силового решения вопроса. За несколько декабрьских дней ему удастся обрести серьезного союзника в лице Дмитрия Устинова, министра обороны страны и лучшего друга Брежнева, которому тот абсолютно доверяет.

Но последние события: две ноты подряд, сессия НАТО, события на Ближнем Востоке, в Иране и Турции – все это превращает «миротворца» Громыко в оголтелого ястреба. Цель достигнута. В Политбюро образовалась мощная коалиция, настаивающая на силовом решении вопроса.

ГЛАВА 5

– Нам нужны очень хорошо подготовленные люди, – генерал Затонский произнес эти слова подчеркнуто спокойно.

– Понимаю, – Асанов уже решил, кто может принять участие в этой операции.

– Должны быть ветераны Афганистана, знающие язык, обычаи, характер местности, нравы людей, – напомнил Орлов. – Там, в Афганистане, сейчас беспокойно. Никто не знает, какой отряд какую территорию контролирует. В Кабуле по-прежнему стреляют.

– Известно, кто именно захватил Кречетова? – спросил Асанов.

– Да, отряд Нуруллы. Это контрабандисты, враждующие с генералом Дустумом, но находящиеся на его территории.

– Точно известно, что Кречетов жив?

– У нас есть свой информатор в банде Нуруллы.

– А сам Нурулла? Обычный контрабандист или борец за идею? – спросил Асанов.

– Каждого понемногу, – Затонский вздохнул. – Разве можно сейчас сказать что-нибудь конкретное? Там такая каша!

– Угу. Которую мы сами и заварили, – мрачно изрек Асанов.

– Что? – не понял Затонский.

– Сначала мы вошли в Афганистан, разворошили сонную страну; потом ушли, бросив их убивать друг друга. А что вы еще хотели? – спросил Асанов.

– Не я принимал решение о вводе войск. И тем более – об их выводе, – сухо ответил Затонский.

– Не заводись, Акбар, – примиряюще сказал Орлов, – мы приехали за помощью.

– Извините, – произнес Асанов, – вы действительно ни при чем. Просто характер такой, не могу спокойно говорить об Афганистане. Я потерял там много друзей.

– Мне говорили, – кивнул Затонский, – я вас поминаю.

– У тебя есть люди, подготовленные для такого маршрута? – спросил Орлов.

– Конечно, есть. Действовать придется на севере?

– Да, район Бадахшана. Нурулла базируется в тридцати километрах от Ишкашима. Там небольшой городок – Зебак. А почему вы спрашиваете? Разве есть разница, где действовать? – поинтересовался Затонский.

– На юге другие обычаи, кочевые племена. В языках есть различие: пушту и фарси. Смотря какой район. В области Фарьяб, например, живет много туркмен, а это уже тюркская группа языков, – объяснил Асанов.

– Ясно. Вы их хорошо понимали?

– Практически да. Таджикский и фарси языки почти идентичны. Практически один язык. Как, например, турецкий и азербайджанский. Хотя узбекский немного отличается.

– У вас есть люди, знающие фарси?

– Разумеется. Но очень мало.

– Нужно будет подготовить группу в семь-десять человек, – предложил Орлов.

– Мы дадим своих специалистов, – предложил Затонский, – я привез их с собой.

– Кто такие? – недовольно поинтересовался Асанов.

– Ждут в соседней комнате, майор Ташмухаммедов и подполковник Падерина. Отличные профессионалы.

– Не пойдет, – возразил Асанов.

– Не понял...

– Женщина не пойдет, – пояснил Асанов, – это исключено.

– Вы не совсем меня поняли, – улыбнулся Затонский, – эта женщина – подполковник разведки, сама из Туркмении. Знает обычаи. Владеет фарси и пушту. Имеет два боевых ордена. Она не гимназистка, а боевой офицер.

– Согласен. Но в Афган она не пойдет.

– Я привез ее для того, чтобы она приняла участие в этой операции. Так решило наше руководство. Эти люди вне вашей компетенции. Вы просто подберите еще своих людей.

– Тогда я отказываюсь, – резко встал Асанов, – набирайте людей сами.

– Сядь, – резко махнул Орлов, – характер ни к черту. Чего кипятиться? Их люди – они и решают.

– Женщина не пойдет, – упрямо возразил Асанов, – ее сразу заметят, вычислят. Это мусульманская страна. А во время переходов как она будет себя чувствовать? Это только в кино артистки во время войны всегда бодрые и веселые. А в реальной жизни бабы в таких операциях участия не принимают. Вы же все понимаете лучше меня. Начнутся месячные, что будем делать? Мыться где? Ребята сутками не умываются, а вы говорите – женщина! Это значит – подвести всех остальных.

– Можно я приглашу подполковника сюда? – спросил, почему-то улыбаясь, Затонский.

– Меня трудно переубедить, – сел на свое место Асанов.

– Попросите подполковника Падерину и майора Ташмухаммедова зайти к нам в кабинет. Они в комнате в 14, – предложил генерал Затонский.

Асанов раздраженно молчал.

Орлов поднял трубку.

– Генерал Орлов, – требовательно произнес он, – гости у вас? Пригласите в кабинет.

– Вы женаты, товарищ Асанов? – спросил вдруг Затонский.

– Да. Вы хотите знать, почему я так не люблю женщин? Напротив, я их слишком люблю, чтобы ими рисковать. Война не женское дело.

В дверь постучали.

– Да! – крикнул Асанов.

Дверь открылась, и в кабинет вошла семейная пара афганцев. Грязный, помятый, небритый, среднего роста афганец в традиционной афганской одежде стоял рядом со своей супругой, одетой в темную чадру. Видна была только полоска глаз.

– Удачный маскарад, – нахмурился Асанов, – но это еще ничего не значит.

Он поднялся, подошел к обоим офицерам.

– Вы говорите на фарси? – спросил он по-русски.

Женщина кивнула головой.

– Я вас приветствую в своем доме, – произнес традиционное пуштунское приветствие Асанов.

Женщина молчала.

– Да пошлет Аллах удачу вашему дому, – поблагодарил его мужчина.

– Хорошо, – сказал Асанов.

На Востоке в присутствии мужа женщина не имела права отвечать на вопросы постороннего мужчины.

– Теперь отвечайте, – потребовал Асанов, – сколько раз вы были в Афганистане?

– Пять раз, – ответила женщина. Голос у нее был немного хриплый, характерный для восточных женщин.

– Вы умеете готовить афганские блюда?

– Да.

– Молиться?

– Совершать намаз, – уточнила женщина. – Конечно. Я знаю коран.

– Скажите четвертую суру.

Женщина чуть улыбнулась. Четвертая сура корана была посвящена женщине.

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного! – начала женщина. – О люди! Бойтесь вашего господ, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин. И бойтесь Аллаха, которым вы друг друга упрашиваете, и родственных связей.

Пока женщина говорила, Асанов внимательно следил, как она держится, произносит словосочетания, ставит ударение в словах. Орлов и Затонский, не понимавшие на фарси, наблюдали за генералом Асановым.

– А если вы боитесь, что не сумеете относиться к сиротам по справедливости, то можете жениться только один раз. А если не боитесь этого, то можете жениться на двух, трех или четырех.

– Достаточно, – наконец улыбнулся и Асанов, – снимите чадру.

Она откинула покрывало.

Длинные волосы, узкое лицо, выступающие скулы, красивый разрез глаз.

– Вы русская?

– Отец из молокан, мать туркменка, – ответила женщина.

– В бою бывали?

– Получила ранение в Принсапольке, – вместо ответа сказала женщина.

– Где это? – удивился генерал.

– В Никарагуа.

– Сколько вам лет?

– Тридцать девять, – она посмотрела ему в глаза.

– Сколько лет в разведке?

– Шестнадцать.

– Проходили специальную подготовку?

– Дважды. Даже бывала в вашей зоне, – добавила Падерина.

– В зоне, – он задумался.

Повернулся, подошел к столу и вдруг резко, быстро бросил тяжелую книгу.

– Держи.

Затем еще одну.

– Отбивай.

Она успела схватить первую и отбить вторую. Книга полетела через всю комнату и, удравшись о стену, упала на пол.

– Черт с вами, – сказал Асанов, возвращаясь на свое место. – Можете оставаться.

– Вас, кажется, волновали еще какие-то проблемы женского организма? – спросил Затонский.

Акбар, чуть покраснев, махнул рукой:

– Все. Свободны.

Когда за ушедшими закрылась дверь, генерал Затонский заметил:

– Они оба прошли Афганистан. Это наши лучшие офицеры. Падерина работала и в других странах. Она владеет пятью языками.

– Простите, генерал, – спросил вдруг Асанов, – а где вы были в декабре семьдесят девятого?

Генерал посмотрел ему в глаза.

– В Кабуле. В составе группы прикрытия, – просто ответил Затонский. – «Альфа» штурмовала дворец, а мы везли Бабрака Кармала. Чтобы успеть передать обращение к нашим войскам.

ГЛАВА 6

Бабрака Кармалю везли из Чехословакии, где он был послом. Специальная группа 8-го отдела Первого Главного управления КГБ СССР вылетела в Прагу. В ее состав входил и молодой офицер, капитан Затонский. Все было окончательно решено в Москве. Амина должен был заменить Бабрак Кармаль. Собственно, последний мог стать лидером еще в апреле семьдесят восьмого года, но расколовшаяся на два враждующих лагеря Народно-демократическая партия Афганистана начала фракционную борьбу. Фракция Парчам, куда входили Нур Мухаммед Тараки и Хафизулла Амин, взяла верх над фракцией Хальк, возглавляемой Бабраком Кармалем. Лидеру проигравшей фракции пришлось согласиться на унижительно невзрачную должность посла Афганистана в Чехословакии.

Но сторонники фракции Хальк в стране остались. Особенно много их было в армии и в местной госбезопасности, заново сформированной советскими и ставленниками называемой Хедимате Ателаате Давлати (ХАД).

В свою очередь, склоки в победившей фракции Парчам привели к тому, что Амин сумел в результате убрать Тараки. Терпение Андропова лопнуло. Теперь однозначно делалась ставка на Бабрака Кармалю и его фракцию Хальк.

В русской транскрипции это слово пишется обычно «Хальк», тогда как правильнее было бы писать «Хальг», но это, видимо, невозможно из-за трудностей с произношением такого слова.

Бабрака Кармалю готовили две недели. Особо упрашивать его не пришлось, он ненавидел Амина и даже не очень любил покойного Тараки.

Теперь Андропову нужно было получить согласие Политбюро ЦК КПСС. После серии диверсионных актов, демонстративных шагов НАТО и западной дипломатии осторожный Громыко стал его союзником, не возражая против введения войск. Министру обороны Устинову вообще не нравилось подозрительное продвижение американцев в Персидском заливе и Индийском океане. Сведения, приходившие по линии ГРУ, не вызывали оптимизма. Американцы тайно и явно наращивали свое преимущество в этой части мира.

К тому времени в Индии к власти пришел блок правых партий во главе с Джаната, отстранивший от управления государством ИНК и ее лидера, верного друга Советского Союза Индиру Ганди.

Джаната не собиралась идти на разрыв давних и прочных связей Индии со своим северным соседом, но премьеры Десаи и Сингх были лично несимпатичны Брежневу, очень ценившему старую дружбу с госпожой Индирой Ганди.

Словно в насмешку над советскими аналитиками и дипломатами, в Ираке почти зеркально повторилась афганская история.

Молодой честолюбивый заместитель председателя Совета революционного командования Саддам Хусейн решил, что пришло его время.

Он очень быстро и ловко устранил своего бывшего добродетеля, которому был обязан карьерой и продвижением.

Президент Ирака А. Х. Бакр был одновременно и главой правительства, и Верховным Главнокомандующим, и Председателем СРК. В свою очередь, Саддам Хусейн был одним из самых близких его людей и заместителем по партии и правительству.

Бакра убрали очень быстро. Через десять дней Саддам Хусейн в лучших традициях подобных историй объявил о раскрытии заговора, в котором приняло участие почти все руководство Ирака, в том числе другой заместитель премьера – А. Хусейн и Генеральный секре-

тарь СРК М. А. Хусейн. Они и еще трое высших чиновников государства были немедленно расстреляны. Саддам Хусейн утвердился у власти ².

Правда, по сведениям агентуры Андропова, Саддам Хусейн не собирался идти на разрыв советско-иракских отношений. Более того, молодого сильного лидера арабского мира можно было при случае использовать против многовековых врагов арабов – фарсов, населяющих соседний Иран. Тем более что на юге лежали спорные территории, богатые нефтью. Москва учла это обстоятельство и решила примириться с уходом Багра.

Знаменитое заседание Политбюро состоялось двадцать четвертого декабря. Это было даже не заседание в обычном смысле, ибо на нем присутствовало больше половины положенного состава.

Для лидеров великой державы полуколониальный такой далекий Афганистан был не самой главной проблемой. Они собирались сегодня лишь по настоянию Андропова. Это был скорее разговор некоторых руководителей государства, позднее оформленный как решение Политбюро, проведенное опросным путем.

В кабинете Леонида Ильича Брежнева должны были присутствовать:

Андропов, Громыко, Кириленко, Косыгин, Сулов, Устинов, Черненко. Из Совета Министров даже не вызвали Тихонова, ставшего членом Политбюро лишь месяц назад, на Пленуме 27 ноября. Не сочли возможным позвонить Кунаеву в Казахстан, Щербицкому на Украину, Романову в Ленинград. Не было заболевшего Пельше.

Подозрительный Гришин, узнавший от Черненко, что у Брежнева собираются члены Политбюро, сам позвонил Генеральному секретарю.

– Мне нужно приехать, Леонид Ильич? – спросил Гришин своим тихим, всегда хорошо поставленным голосом.

– Зачем? – удивился Брежнев. – Занимайся своими делами. Здесь и без тебя народу будет много.

В приемной Брежнева гостей встречал помощник, каждый раз звонивший Черненко, сообщая, кто именно пришел к Генеральному секретарю.

Черненко сразу обратил внимание, что нет членов Политбюро из регионов. Он знал: Брежнев тайно готовит его на роль уже совсем постаревшего, временами просто теряющего координацию Сулова. И на правах секретаря ЦК КПСС и руководителя общим отделом, Константин Устинович знал также, что сегодня будет рассматриваться вопрос об Афганистане. Он понял, что сам состав приглашенных определил Андропов – единственный человек, которого он панически боялся и ненавидел. Увидев, что Гришин так и не приехал, Черненко позвонил Брежневу.

– У нас будет международный вопрос, – сказал он своим задыхающимся голосом. – Может, пригласить еще Зимянина и Пономарева?

Оба были секретарями ЦК КПСС, курирующими международные вопросы. Но они не были членами Политбюро.

– Только Пономарева, – разрешил Брежнев, – а Зимянина не нужно. Будет Андрей Андреевич, он лучше разбирается в таких вопросах.

Черненко положил трубку и начал собирать бумаги.

Обычно в кабинете Брежнева во главе стола справа и слева садились Сулов и Косыгин. Даже Подгорный, будучи формально руководителем государства, не смел занимать их места, усаживаясь после Косыгина.

² Автор побывал в осажденном Ираке, в Багдаде в сентябре 1994 года. Должен отметить, что, несмотря на постоянное давление извне и довольно тяжелое экономическое положение страны, иракцы по-прежнему верят в своего лидера – Саддама Хусейна. Для них он герой, борющийся против мирового империализма. Помня о радушии и гостеприимстве простых иракцев, я не хотел бы хоть чем-то обидеть этих людей, поклоняющихся своим идолам.

Рядом с Суловым всегда сидел Кириленко. Так они разместились и в этот раз. Справа оказались четыре секретаря ЦК КПСС – Сулов, Кириленко, Черненко и Пономарев. Слева сели Косыгин, Громыко, Устинов и Андропов.

Председатель КГБ всегда подчеркнуто скромно садился в конце стола. Не изменил он себе и на этот раз. Любезно улыбаясь, он пропустил Громыко и Устинова.

Брежнев не любил долгих заседаний, длинных докладов. Вынужденный часами читать никому не нужные отчеты, он не любил, когда другие долго и много говорили.

Андропов это хорошо знал. Он докладывал коротко – рассказал о зверствах Амина, об убийстве Тараки, о согласии Бабрака Кармаля. По его поручению была подготовлена большая справка Управления «Р». Первого Главного управления КГБ.

Управление «Р» занималось вопросами оперативного планирования и анализа. Вместе с 8-м отделом ПГУ, занимавшимся проблемами неарабских стран Ближнего Востока, сотрудники управления составили подробный анализ проникновения в Афганистан вражеской агентуры, включая американскую, китайскую, пакистанскую и иранскую разведки.

Информации было чуть больше, чем обычно, но она производила впечатление. Все молчали, ожидая выступления Громыко.

Обычно очень осторожный, взвешивающий каждое свое слово, министр иностранных дел на этот раз был более красноречив.

Последние провокации сильно разозлили его, а Кэмп-Дэвидская пощечина горела до сих пор.

Громыко выступил за немедленный ввод войск, добавив, что они уже проводили ряд рабочих совещаний вместе с военными и представителями КГБ.

Сулов, знавший об этом от Андропова, не обратил внимания на эти слова.

А вот Черненко насторожился. Значит, Громыко, Устинов и Андропов собираются где-то тайком, не поставив в известность общий отдел ЦК КПСС. А где протоколы этих бесед, стенограммы совещаний? У него хватило ума промолчать, не высказывать со своими обидами. Но с этого дня он перестал доверять Устинову и Громыко, считая их сторонниками Андропова.

Поднявшийся Устинов коротко доложил, что армия готова выполнить свой долг. Он слышал про убийство Тараки и как глубоко порядочный человек презирал Амина, решившего расправиться со своим бывшим руководителем таким варварским способом.

Позднее многие журналисты будут описывать заседание Политбюро как сбор выживших из ума старцев. На самом деле, несмотря на очевидные старческие промахи Брежнева или Сулова, сидевшие сегодня за длинным столом, покрытым зеленым сукном, люди были совсем не теми карикатурными персонажами, которыми их стали позднее изображать.

Устинов доложил о мнении начальника Генерального штаба маршала Огаркова, считавшего, что некоторые части афганской армии могут оказать сопротивление. Андропов резко возразил, заявив, что нынешняя афганская армия просто не способна на подобные действия.

Устинов тем не менее добросовестно передал все замечания Огаркова, но поддержал решение о вводе войск.

Затем слова попросил Косыгин. Он рассказал о неоднократных просьбах афганского правительства ввести войска. Об этом просил и подлец Х. Амин. Об этом просят теперь и афганские товарищи, выступающие против режима Амина.

Косыгин не сказал больше ни слова, ни «за» ни «против», и это очень не понравилось Андропову.

Неожиданно вмешался «главный идеолог» страны Михаил Сулов. Он потребовал немедленного ввода войск. В отличие от более реалистичных прагматиков Андропова, Громыко, Косыгина, Устинова, он жил еще вчерашними романтико-революционными воспоминаниями. Революция в Афганистане была под угрозой. Убит лидер страны. Этого одного было достаточно, чтобы Сулов выступил решительно «за».

Андропов понял, что более никто не выступит против. Это уже невозможно.

Сразу высказались Кириленко и Черненко. Разумеется, они были «за». Молчавший Пономарев был за вторжение еще до самого Андропова одним из первых в ЦК КПСС, призывая ввести войска. Он считал, что социализм в Афганистане находится в серьезной опасности.

Брежнев слушал молча. Он любил армию, гордился ею, справедливо считая, что мощь государства определяется и степенью боеспособности армии. Но, человек по натуре мирный, он действительно не любил войну, не любил крови, сражений, несчастий, катастроф.

Насмотревшийся на войну в сороковые годы, он искренне считал, что делает все, чтобы война вновь не повторилась. Правда, он дал согласие на ввод танков в Чехословакию в шестьдесят восьмом. Но тогда была «явная угроза» делу социализма в этой стране. А эти понятия были для него священны.

Так и теперь.

С одной стороны, нужно было отстаивать геополитические интересы великой державы, и это было самое важное обстоятельство. С другой стороны, революция в Афганистане, о которой они столько говорили, явно буксовала. Более того, была прямая угроза ее завоеваниям, как сумели убедить Брежнева.

И наконец, он просто симпатизировал убитому Тараки, так подло преданному его заместителем. Сам Брежнев, правда, забыл, что в свое время он тоже «сдал» своего руководителя – Никиту Хрущева. Но в отличие от Амина он его не убивал.

Все было решено. Брежнев поручил Черненко готовить решение Политбюро.

На следующий день осторожный Громыко все-таки зашел к Брежневу. Батальоны и полки уже грузились в самолеты.

– Леонид Ильич, – попросил министр иностранных дел, – не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии? ³

Брежнев молчал. Долго молчал. Потом поднял телефонную трубку.

– Михаил Андреевич, – попросил он Суслова, – зайди ко мне. Есть нужда посоветоваться.

Пока Суслов не появился, Брежнев спросил:

– Думаешь, будут осложнения?

– Все может быть, – уклонился от прямого ответа Громыко.

Без доклада вошел Сулов.

– Добрый день, – отрывисто бросил он Громыко, усаживаясь за стол.

Брежнев коротко рассказал ему о просьбе Громыко, добавив:

– В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно: либо игнорировать обращение афганцев с просьбами о помощи, либо спасти народную власть.

– Обращение будет? – спросил Сулов.

– Андропов обещал, – ответил Брежнев.

– У нас с Афганистаном уже имеется договор, – медленно произнес Сулов, – и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз мы так решили. Андропов и Устинов настаивают. А на ЦК обсудим позднее. Это не так спешно.

На следующий день началось вторжение...

³ Подлинный разговор Л. Брежнева и А. Громыко, состоявшийся между ними 25 декабря 1979 года.

ГЛАВА 7

– Нужно продумать маршрут и снаряжение группы, – задумчиво произнес Асанов. – Там очень трудный, горный район.

– Ты еще не называл своих людей, – напомнил Орлов.

Асанов подвинул к себе лист бумаги. Взял ручку:

– Номер первый – майор Машков. Воевал в Афганистане, Таджикистане, Абхазии. Хорошо ориентируется, имеет опыт общения с местным населением, владеет языком. Как командир группы прикрытия будет очень полезен.

– Согласен, – Затонский поставил цифру три.

– Следующий – капитан Борзунов. Очень опытный, жесткий, прагматичный офицер. Когда нужно, вытянет операцию на своих нервах. Отличный стрелок. В горах просто незаметен. Выносливый, храбрый, злой.

– А почему злой? – спросил Орлов.

– Это ты у него спросишь, – пожал плечами Асанов, – просто даю ему характеристику.

– Следующий, – попросил Затонский.

– Старший лейтенант Чутов. Надежный, внимательный, выдержанный. Зону сегодня прошел впереди группы и показал себя совсем неплохо. Правда, не знает языков, но для группы прикрытия вполне подойдет.

– Раз вы так считаете – согласен. Дальше.

– Еще двое офицеров – для связи с местным населением. Подполковник Рахимов – казах, знает языки, легко сойдет за местного, и капитан Чон Дин. Он кореец из Сибири. Знает китайский, корейский, киргизский языки. Очень хорошо подготовлен физически, увлекается разными восточными единоборствами. Он легко сойдет за кого угодно, только не за русского шпиона. После развала СССР в Афганистане считают, что все российские офицеры должны быть светловолосыми.

– Итого семь. По-вашему, достаточно? – уточнил Затонский.

– Думаю, да. В процессе подготовки выясним, кто нужен еще, какой из специалистов необходим. Пока все.

– Не все, – возразил Затонский, – вы еще не знаете главного.

Асанов напрягся, словно чувствуя недоброе.

– Полковник Кречетов не случайно попал в плен. Он сознательно сдался афганцам.

– Кречетов? Быть этого не может, – упрямо возразил пересохшими губами Асанов, – он настоящий патриот, хороший разведчик...

Затонский загадочно улыбнулся.

– Вы его нарочно подставили, – понял Асанов.

Затонский кивнул головой.

Даже здесь, в самом охраняемом и засекреченном центре военной разведки, генерал не хотел говорить лишнего.

– Это была часть спланированной операции, – пояснил Орлов уже понявшему все Асанову.

«Значит, Кречетов попал в плен не случайно, – подумал Акбар. – Но почему тогда формируют группу по его спасению?»

– А эта группа? – спросил он.

– Вы воевали в Афганистане, – Затонский даже говорить стал тише, будто за дверью могли подслушать. – Знаете, что такое группа прикрытия. И сами формировали особые группы, чтобы они отвлекали внимание моджахедов, пока другая, более мобильная группа, прорывалась в нужном направлении.

– Вы хотите сказать, что все это блеф? Группа не пойдет спасать Кречетова?
– Пойдет. Но не спасет, – коротко пояснил Затонский. – Просто прорыв будет на другом направлении.

– Вы формируете еще одну группу? – по-прежнему не понимал Асанов.

– Вы рассуждаете как военный разведчик, – мягко заметил Затонский. – Не обижайтесь. У нас совсем другие задачи и специфика. Нам важно, чтобы Кречетов закрепился в Афганистане, у Нуруллы, чтобы остался там. А группа, которую мы сейчас формируем, действительно пойдет по указанному маршруту, чтобы спасти Кречетова. Но спасти его, вытащить его оттуда группа не сможет. Это просто не в ее силах, да и не нужно.

– Кречетов должен остаться в Афганистане, – еще раз твердо сказал Затонский, – а группа лишь подчеркнет важность персоны Кречетова, чтобы усилить к нему интерес и заодно подтвердить его алиби.

– Значит, они просто будут имитировать активность? – постарался понять генерал Асанов.

– Они будут стараться изо всех сил. Иначе нам просто не поверят. Но у них ничего не выйдет.

– Что с ними будет?

– Они постараются вернуться обратно.

– Не выполнив задания, товарищ генерал, мои люди не возвращаются обратно.

– У них ничего не выйдет, – Затонский начал нервничать.

– Вы не хотите, чтобы у них вышло, – уточнил Асанов.

– Да, мы не хотим, чтобы у них что-нибудь получилось, – очень четко ответил Затонский.

– Теперь вы наконец расставили все точки. Значит, мои ребята смертники?

– Мы на войне, Акбар, – строго ответил вместо Затонского генерал Орлов, – здесь не нужно разводить разные церемонии. Полковник – в плену, враг должен поверить, что он случайно попал в плен. Для этого мы посылаем совместную группу. Что тебе не понятно?

– Но ребята обречены. Вы наверняка не дадите им ни одного шанса, – взорвался Акбар. – Может, даже заранее предупредите Нуруллу, чтобы он устроил засаду. Я прав?

Затонский молчал. Орлов, коротко выругавшись, полез за сигаретами.

– Говорите, – громче произнес Асанов.

– Не кричите, – устало отмахнулся Затонский, – мне тоже жаль ребят. Вы же воевали, знаете, как бывает. Чтобы спасти полк, жертвуют ротой. Чтобы вывести батальон, подставляют роту. Задание у Кречетова очень важное. Настолько важное, что им занимается лично Евгений Максимович Примаков. До сегодняшнего дня о нем знали пять-шесть человек. Теперь знаете и вы. В военной разведке об этой операции знаете только вы двое.

– Понимаю, – Асанов расстегнул воротник. – А я, старый осел, давал вам лучших людей.

– Так и должно быть. Они должны стараться изо всех сил. Иначе нам не поверят. Лучшие офицеры должны пойти на это задание. Уйти по нашему маршруту.

– Уйти и не вернуться, – тихо произнес Асанов. – Поздравляю вас, генерал, вы хорошо планируете свои операции, на крови.

Затонский побледнел.

– Если бы понадобилось, чтобы пошел я, можете не сомневаться в моем выборе, – сказал он.

– А я и не сомневаюсь, – мрачно ответил Асанов, – простите, думаю вслух. Вам нужно сыграть с Нуруллой и его людьми. Сыграть так, чтобы они поверили в нашей заинтересованности вытащить оттуда Кречетова любой ценой. Это я понимаю. Но и ребят своих мне терять жалко. Здесь нужно очень тонко сыграть, чтобы и поверили, и группу не уничтожили.

– Так не бывает, – заметил Орлов.

– Так будет, – Асанов вздохнул. – Меня в Афганистане знали все. Даже Барсом называли.

– Об этом мне известно, – Затонский не мог понять, о чем думает генерал.

– Поэтому идеальным командиром группы буду я сам. Тогда не только Нурулла, но и любой афганец поверит, что Кречетов для нас важнее всех ценностей на свете.

Наступило молчание.

– С ума сошел! – грохнул наконец кулаком по столу Орлов. – Героя разыгрывать решил! Не пуцу! Кончай дурака валять!

– Подождите, товарищ генерал, – задумался Затонский. – Вы знаете, Акбар Алиевич, это просто здорово. Мы об этом даже не подумали.

– И думать не смейте, – бушевал Орлов, – тоже мне Рэмбо нашелся. Может, еще один отправишься?

– Одному скучно, неинтересно, – после принятия решения все встало на свои места.

– Не пуцу, – закричал Орлов, – хватит, навоевался! А если тебя захватят в плен? Какой позор! Генерал ГРУ в плену у моджахедов. Опозоримся на весь мир. А потом я должен буду посылать еще один полк, чтобы тебя выручить?

– Ты же знаешь, я в плен не попаду, – ответил Асанов, – скорее меня убьют.

– Спасибо, утешил. Выбрось все это из головы. Группа пойдет без тебя.

– И все погибнут?

– Это не твое дело. У них будет своя задача.

– Уйти и не вернуться, – снова повторил Асанов. – Нет такой задачи. Нельзя отправлять людей на смерть, даже на войне, даже во имя самой великой задачи. Я пойду с ними и постараюсь вернуться.

– Это интересное предложение, – кивнул Затонский, – но я должен согласовать вопрос с моим руководством. Думаю, вы просчитали все варианты. Это маршрут смертников, где шансов нет вообще. Ни единого. Можно только остаться в живых. Да и то очень проблематично.

– Звоните в Москву, – вместо ответа потребовал генерал Асанов.

– Слушай, Акбар, – очень серьезно сказал вдруг Орлов, – это не шутки. У нас есть сведения. Нурулла связан с ЦРУ. Против тебя будут все: наша разведка, американская, афганские моджахеды. Все. Ты идешь на задание, которое нельзя выполнить. Не нужно выполнять. Его вредно выполнять. Понимаешь? Если тебе не помешают они, тебе помешаем мы. И вернуться оттуда живым просто невозможно.

– Понимаю. Но ты просчитай все плюсы моего участия. Даже если группа не будет вести активных действий, одно мое имя подтвердит всем, как серьезно мы настроены. Генерала не пошлют на заведомо ненужную и абсолютно неперспективную операцию. Ребятам нужно будет доказывать алиби Кречетова своей кровью. А я могу обойтись только своим именем. Разве это не входит в ваши планы, генерал Затонский?

– Входит, – согласился Затонский. – Это был бы идеальный вариант. Ваше имя гремело по всей стране. Я помню операцию у Кохсана, когда вы перебили всю банду. Указ о присвоении вам звания Героя Советского Союза зачитывался во всех подразделениях сороковой армии.

– Когда это было? – Асанов поднялся. – Пойдем знакомиться с нашими кандидатами.

ГЛАВА 8

Еще за два месяца до вторжения Управление «С», занимающееся нелегалами, приняло решение о командировке своего агента в Кабул ⁴.

Этим агентом был азербайджанец, специалист по Афганистану, прекрасно владеющий языками, подполковник Микаил Талыбов.

Он работал в Афганистане еще при прежнем режиме и хорошо знал Кабул. С помощью советников из посольства СССР он как местный житель из Кандагара был устроен на должность повара в президентском дворце самого Амина. Нарыв назрел. В решающий момент Талыбов должен был отравить Амина.

Позднее предатель О. Гордиевский, работавший резидентом КГБ в Англии и бежавший на Запад, назовет в своей книге имя азербайджанца, работавшего шеф-поваром во дворце Амина. Но, как обычно, соврет, ибо Микаил Талыбов, как пишет О. Гордиевский, просто не может быть азербайджанцем. Это подполковник Михаил Талыбов, чье имя мы впервые пишем правильно.

Как и всякий восточный деспот, Х. Амин был очень осторожен, часто проверяя подаваемую ему еду и напитки. Постепенно другие повара убирались из кухни, и вскоре любимцем Амина стал Талыбов.

В ночь на 25 декабря при полном согласии афганского правительства Амина началась переброска советских войск в Афганистан. Десантные группы прибывали вместе с тяжелой техникой. Разгрузка в аэропорту шла спокойно.

26 декабря вечером в Кабул прилетела группа «Альфа», готовая взять штурмом президентский дворец.

Продолжала прибывать бронетехника.

Утром 27 декабря из Балашихинского центра подготовки разведчиков прилетела специальная группа советников 8-го отдела и Управления «Т» под руководством полковника Бояринова.

Почти одновременно на дороге Кабул – Гарикар был выброшен десант особой группы КГБ СССР «Октава», подчинявшейся лично Председателю КГБ.

На государственной границе были сосредоточены ударные дивизии 40-й армии, готовые перейти реку Пяндж.

Талыбов получил задание на сигнал «Ч».

В три часа дня группа Бояринова начала переодеваться в афганскую форму.

В шесть вечера в Кабул с севера вошли сотрудники группы «Октава», продвигавшиеся к президентскому дворцу.

В семь часов вечера группа «Альфа» в аэропорту Кабула начала разгрузку. Бронетехника с шумом стала разворачиваться в сторону города.

В восемь часов вечера из Москвы вылетел самолет с Бабраком Кармалем на борту. По конфиденциальной договоренности его должен был встречать в Кабуле бывший член его фракции, один из заместителей министра иностранных дел Афганистана Ш. М. Дост, уже давший согласие на сотрудничество с Б. Кармалем.

В девять вечера колонна грузовиков, танков, БМП вышла из аэропорта. Впереди на трех БМП с афганскими опознавательными знаками ехала группа полковника Бояринова.

В девять вечера Талыбов подал плов-сабси, умело приготовленный с мясом и зеленью и обильно политый ядом.

⁴ Публикуется впервые на русском языке. Запрещается использовать где-либо без согласия автора.

В девять тридцать колонну останавливают афганские патрули. Они требуют разрешения на проезд такого количества бронетехники в центр города.

В девять тридцать Хафизулла Амин, лишь начав ужин, чувствует себя очень плохо. Срочно вызван врач из советского посольства: местным эскулапам диктатор давно не доверяет.

В девять сорок к КПП, ведущему в центр города, подтягиваются две полицейские машины и несколько солдат афганской армии, патрулирующих дорогу.

В девять сорок пять по приказу Бояринова группа открывает огонь на поражение. Сняв шлагбаум, уничтожив афганские посты, группа открывает дорогу колонне десантников и группе «Альфа».

В десять часов вечера прибывший из советского посольства врач делает промывание, укол, пытается спасти Амина.

В десять часов группа «Октава» находится уже в парке дворцового ансамбля.

В десять часов, почти не встречая сопротивления, советские войска вступают в город.

В десять тридцать Амин приходит в себя и засыпает в комнате. Советский врач остается рядом с ним.

В десять тридцать группа Бояринова появляется у дворца Х. Амина. По приказу полковника начинается методичная «смена караула», убираются дежурные посты у ворот.

В одиннадцать часов ворота вздрогнули от сильного взрыва. Группа Бояринова пошла на штурм здания. Группа «Альфа» блокирует дворец, не выпуская никого.

Не понимая, в чем дело, охранники Амина гибнут под пулями офицеров Бояринова.

Амин, услышавший выстрелы, бросается бежать из своей спальни.

Ворвавшиеся в его покои люди Бояринова убивают двух адъютантов, помощника, любовницу, советского врача и сотрудника посольства СССР. Группа «Альфа» идет на штурм всего дворцового комплекса. Все афганцы внутри здания подлежат уничтожению.

Группа «Октава», уже в советской военной форме, проходит через кухню во дворец.

Группа Бояринова никак не может найти Х. Амина, несмотря на отчаянные поиски. В это время афганский диктатор успевает сбежать вниз вместе с еще одним адъютантом.

С верхнего, последнего этажа есть специальный ход в гараж – узкая лестница.

Группа «Альфа» уже заканчивает боевые действия. Почти все оборонявшиеся погибли. Пленных не берут.

Появившиеся внизу, у входа в гараж, Амин и его адъютант замечены группой «Октава». По приказу командира группы полковника Гогоберидзе майор Козлов убивает Х. Амина и его адъютанта.

Следом появляются офицеры группы Бояринова, одетые в афганскую одежду. Их преследуют сотрудники группы «Альфа».

Самолет с Бабраком Кармалем садится на полчаса в Ташкенте и, заправившись, почти сразу взлетает, взяв курс на Кабул.

Оказавшись между двумя группами – «Альфой» и «Октавой», – сотрудники Бояринова перебиты все до одного.

Убит и сам полковник Бояринов. По категорическому приказу Андропова пленных не берут.

Передается обращение Бабрака Кармаля о переходе власти в стране в руки нового революционного командования. По досадной случайности еще не взято кабульское радио, продолжающее работать в прежнем режиме. Весь мир слышит слова нового афганского лидера, передаваемые... из Советского Союза.

В пять часов утра группа «Октава» покидает Кабул. Группа «Альфа» методично осматривает комнаты дворца, ожидая приезда Бабрака Кармаля.

В семь часов утра советские дивизии переходят реку Пяндж.

В девять часов утра Бабрак Кармаль, уже по кабульскому радио, обращается ко всему народу, передавая сообщение о новой власти в стране, о его просьбе к СССР ввести войска, о «справедливой казни агента американского империализма Хафизуллы Амина, казненного по решению революционного трибунала».

В десять часов утра не пострадавший в ночной перестрелке Микаил Талыбов подает завтрак новому лидеру Афганистана. Через несколько дней во главе новой службы безопасности будет поставлен тридцатидвухлетний Мухаммед Наджибулла.

10 января в Индии в результате новых выборов к власти триумфально вернется Индира Ганди и ее партия ИНК (И).

Но мир дрогнул. Никакие соображения геополитики и пролетарского интернационализма не проходят.

Срочно собранная сессия ООН осудит вторжение СССР в Афганистан. В поддержку Советского Союза выступят лишь явные сателлиты и союзники – Болгария, Монголия, Куба, сам Афганистан, Украина, Белоруссия... Всего восемнадцать стран. Остальные так или иначе осудят эту интервенцию.

Сегодня, спустя много лет, анализируя события декабря семьдесят девятого, понимаешь, что в мире, где существовало равновесие страха ядерного уничтожения, такие интервенции были способом выживания двух сверхдержав и способом существования двух систем. Но если Советский Союз виноват в агрессии против Афганистана, то не меньше виноваты и США, осуществившие подобную акцию в отношении Гренады.

История вообще не знает однозначных ответов «виновен» или «не виновен».

Советские лидеры конца семидесятых были убеждены, что защищают дело социализма во всем мире. Можно оспаривать это убеждение, но геополитические реальности остаются. Они просто видны на карте.

Спустя пятнадцать лет уже новая Россия будет посылать своих сыновей в Таджикистан. И снова сомнения будут мучить всех: нужно или не нужно, «виновен» – «не виновен».

И опять, отбросив всякие разговоры о социализме и капитализме, Россия будет отстаивать геополитическое положение в этом мире, свои приоритеты, по-своему понимаемые и трактуемые.

Такова история. Ее можно не принимать, но нужно понимать, ясно представляя, что афганская война была трагедией сразу двух народов: афганского и советского. Как, впрочем, любая война в этом беспокойном мире.

ГЛАВА 9

– Мы получили подтверждение, – генерал Орлов старался скрыть свое раздражение, – тебе разрешают участвовать в этой операции. Говорят, сам Примаков звонил в Министерство обороны.

– Для нас это очень важно, – кивнул Затонский, – само имя легендарного Барса придает нашей операции совсем другой акцент. По существу, вы спасли свою группу, еще не дойдя до места назначения. С вами им нужна будет лишь демонстрация намерений, без вас они должны были доказывать свое стремление вытащить Кречетова как-то более существенно.

Они стояли на полигоне, где офицеры ГРУ отрабатывали зачеты по стрельбе. Асанов молча слушал обоих гостей, продолжая наблюдать за результатами своих подопечных.

На огневой линии стояли Борзунов и Машков. Первый отстрелялся почти идеально, как снайпер, результаты второго были значительно хуже.

– Второму номеру, – недовольно сказал в микрофон генерал Асанов на весь полигон. – Повторите все заново. Очень низкий результат.

Машков, ничем не выдав своего огорчения, вернулся на огневой рубеж.

– Разве? – удивился Затонский, посмотрев в бинокль. – По-моему, совсем неплохие результаты.

– Для офицера, сидящего в штабе, – да. А он пойдет с нами в поход. Там от одного сантиметра зависит жизнь всей группы. Если не уберет врага первым выстрелом, тот успеет выстрелить в ответ, и тогда – все. В лучшем случае будет труп.

– Почему в лучшем? – не понял Затонский.

– В худшем будет раненый, которого придется тащить на себе, – пояснил Асанов.

– У вас своя специфика, – признался Затонский. – Наши люди все-таки меньше работают с оружием. Для наших применение оружия – это почти провал. Больше ориентируемся на интеллект.

– Только не в Афганистане, – возразил Асанов. – Там уже шестнадцать лет идет война. Выросло целое поколение, привыкшее к грохоту снарядов. Многие дети не умеют читать, но знают, как собрать автомат.

– Я помню, – кивнул Затонский, – но все равно наши люди имеют несколько другую специфику.

Асанов промолчал. На огневую позицию вышли одетые в маскировочные халаты двое сотрудников Затонского.

У женщины были собраны волосы под беретом. Они начали стрельбу.

Все трое внимательно следили за результатами офицеров СВР. Падерина стреляла блестяще – как лучшие курсанты Асанова. Он долго смотрел на результаты, затем опустил бинокль.

– Вот видите, генерал, вы напрасно обижаете своих людей. Стрелять они умеют.

– Я не говорил, что они не умеют, – отозвался польщенный Затонский, – я говорил, что им нужно пользоваться оружием как можно реже.

На позицию вернулся Машков. Он был вместе с Чутовым.

На этот раз Машков стрелял намного лучше. А Чутов дважды умудрился вообще промазать.

– Первый номер, – рявкнул в микрофон разгневанный Акбар, – срочно ко мне. Второй номер – неплохо.

– Что с ним случилось? – спросил раздосадованный Орлов. Ему тоже было неприятно видеть, как плохо стреляет офицер ГРУ.

– Не знаю. Он сегодня словно не в себе. Таких результатов у него никогда не было. Вчера проходили дважды зону. Все было нормально, – ответил Асанов. – Может, устал? Переутомился?

В комнату наблюдателей вошел Чутов:

– Прибыл по вашему указанию, – на полигоне ГРУ не принято было представляться или говорить свое воинское звание.

– Что с вами случилось? – обратился к Чутову на «вы» генерал Асанов.

Старший лейтенант понял, что генерал рассержен.

– Простите, товарищ начальник курсов, – пробормотал он устало.

– Что случилось? – переспросил Асанов.

Чутов молчал.

– Можете говорить в присутствии этих товарищей, – показав на Орлова и Затонского, разрешил Асанов.

Старший лейтенант по-прежнему молчал. Только старался не смотреть своими опухшими покрасневшими глазами в лицо генералу.

– Руки, – крикнул вдруг Орлов, – покажите руки!

Чутов, недоумевая, поднял чуть трясущиеся руки.

– Все ясно: пил, мерзавец! – захохотал Орлов. – Пойдешь под трибунал, мать твою! И это лучший офицер! Таких людей, Акбар, ты еще можешь рекомендовать?

Асанов молча смотрел на Чутова.

– В чем дело? – мягко спросил он.

Старший лейтенант молча закусил губы. Его немного трясло, словно в лихорадке.

– Вы больны? – спросил Асанов.

– Нет, – вытянулся Чутов. – Разрешите повторить стрельбу.

– Не разрешаю. Идите в свою комнату. Потом поговорим. – Чутов не успел выйти, как в комнату вошел майор Машков.

– Разрешите?

– В чем дело? – Асанову начали надоедать сегодняшние сюрпризы его сотрудников.

– Разрешите поговорить с вами лично, – попросил Машков.

– Говорите здесь, – все-таки Асанов разозлился.

– Товарищ генерал! Прошу предоставить старшему лейтенанту Чутову недельный отпуск.

– Что? – не выдержал Орлов. – Еще адвокатов нам не хватало. Развели бардак, понимаешь.

– Говорите, – Асанов уже понял, что случилось нечто серьезное.

– Сегодня ночью у старшего лейтенанта Чутова умерла жена в больнице, во время операции. Двое детей остались дома одни. Их взяла соседка, Акбар Алиевич, – очень тихо сказал Машков.

В комнате наступило молчание.

Орлов крякнул от неожиданности.

– Почему вы сразу не рассказали? – покачал головой Асанов.

– Я подал рапорт, товарищ генерал. Он у вас в кабинете, – ответил Чутов.

– Недели не хватит, – вздохнул Асанов, – даю вам один месяц. У вас есть кому оставить детей?

– Нет, товарищ генерал. Мы с женой – детдомовские, – немного виновато ответил Чутов. – Наверное, подам рапорт об увольнении.

– Идите, Чутов, – отпустил его генерал. – Машков, вы останьтесь.

– Стойте, – приказал Орлов и, помолчав, негромко попросил: – Извините меня, старший лейтенант, я не знал.

Чутов кивнул головой.

Когда за ним закрылась дверь, Орлов с досады ударил кулаком по столу.

– Вот парень – кремень. И ведь не говорил ничего.

– Машков, нужно помочь ему, – предложил генерал, – по нашему обычаю.

– Взять вещмешок? – спросил Машков.

– Да.

Это был обычай, свято соблюдавшийся в элитарных группах военной разведки. В случае гибели товарища остальные собирали деньги для его семьи. При этом приносился вещмешок, и каждый бросал туда деньги. С таким расчетом, чтобы не было видно, кто сколько дал. Считалось, что каждый дает в меру своих возможностей.

– Подождите, – остановил Машкова генерал Орлов, доставая из кармана все деньги, какие у него были. Зажав их в пятерню, он подошел к майору.

– Для его детей.

Затонский вытащил бумажник, достал деньги.

– От меня тоже.

Асанов кивнул Машкову:

– Зайдешь ко мне вечером. Оставь вещмешок в столовой, пусть ребята видят.

– Сделаю, товарищ генерал.

После ухода Машкова все долго молчали.

– Люди у вас отличные, – заметил Затонский, – и обычаи хорошие.

– Нужно будет заменять Чутова, – задумчиво произнес Асанов, – искать ему срочную замену.

– Не нужно, – возразил Затонский. – Из Москвы к нам завтра приедут еще два сотрудника, Семенов и Елагин. Они оба альпинисты, мастера спорта. Передаются вам для помощи в горах, во время перехода. Итого, вас будет девять человек.

– Аналитики уже работают? – поинтересовался Орлов.

– И наши, и специалисты СВР, – пояснил Асанов. – У москвичей есть очень интересные наработки, они нам пригодятся.

– Нужно форсировать отправку группы, – Затонский посмотрел на полигон, где появились Рахимов и Чон Дин, – у нас очень мало времени. Через три дня вам нужно отправляться. Вы, генерал, все-таки очень храбрый человек.

ГЛАВА 10

Колонны танков, перейдя государственную границу, двигались в сторону Кабула по основной магистрали: Кундуз – Баглан – Чарикар – Кабул.

Сороковая армия входила в состав Туркестанского военного округа. Несколько усиленная за счет соседних округов армия, перешедшая границу, насчитывала более восьмидесяти тысяч солдат и офицеров. Позднее ее численность выросла и перевалила за сто тысяч.

Зима восьмидесятого в Афганистане выдалась спокойной, без привычных ветров и ураганов. Советские полки, получившие первоначальную задачу встать гарнизоном по всем крупнейшим городам страны, выполнили поставленную задачу довольно легко.

Все-таки прав оказался Андропов, а не Огарков. Афганская армия не оказывала во время вторжения почти никакого сопротивления. Деморализованная переворотом Амина и последующим заявлением Кармалея, запутавшаяся в громких социалистических лозунгах, не понимавшая целей и задач советского вторжения, афганская армия покорно приняла вторжение «шурави» – советов, как потом стали называть советские войска. Население тоже не оказывало большого сопротивления.

Неграмотные крестьяне и кочевники не совсем понимали, что нужно чужим танкам в их спокойной стране. Многие южные племена, мигрирующие по афгано-пакистанской границе, вообще не особенно интересовались, кто стоит у власти в Кабуле, какой режим, какие лозунги. Они вели достаточно автономный образ жизни, лишь формально подчиняясь центральной власти. В пустынях Регистана или Гармсера вместо законов применяли обычаи, зачастую основанные на нормах корана и житейской логики.

Но изменение ситуации афганцы почувствовали почти сразу. Через пять дней после вторжения советские войска вошли в Кандагар и двинулись на юг перекрывать границу якобы от вмешательства извне. Сама утопичность этой идеи стала ясна уже в первые дни после вторжения. На многих участках южной границы вообще не было обозначений. Даже местные жители не всегда могли точно определить, где находится пакистанская сторона, а где афганская.

В горах, на северо-востоке, устанавливать пограничные посты было просто невозможно.

Конечно, можно было потратить десятки миллиардов рублей и в конце концов оборудовать всю (или почти всю) границу Афганистана. Но если учесть, что территория этого государства была больше любой страны Европы, а общая протяженность границ трудно поддавалась учету и примерно равнялась длине всех южных границ Советского Союза, задача становилась не просто сложной, а невозможной.

Не все спокойно было и вокруг Афганистана.

Еще 9 января Совет Безопасности принимает решение о созыве 6-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Ассамблея, собравшаяся уже на следующий день и заседавшая пять дней, рассматривает вопрос об агрессии Советского Союза в Афганистане.

Все ссылки советской стороны на договор 1978 года о дружбе и сотрудничестве вызывают просто дружный смех делегатов, знающих о привезенном из Чехословакии Бабраке Кармале, просившем на следующий день после вторжения ввести советские войска.

14 января после детального обсуждения вопроса сессия 104 голосами принимает резолюцию, в которой призывает «полностью вывести иностранные войска из Афганистана».

Проект резолюции внесен сразу семнадцатью странами, в том числе Пакистаном, понимающим, как нелегко иметь под боком советскую армию, и Египтом, разорвавшим после Кэмп-Дэвида почти все советско-египетские отношения.

Даже несмотря на такое внешнее единодушное осуждение, восемнадцать стран все-таки воздерживаются. Пример подает Финляндия, Президент которой Урхо Кекконен просто не желает портить отношения со своим великим соседом.

Еще восемнадцать стран голосуют против резолюции. Это самые близкие союзники, по существу сателлиты империи. Стоит вспомнить их поименно, чтобы понять, насколько резко мир был поделен на две части.

Это СССР, Украина, Белоруссия, Куба, Польша, Венгрия, ГДР, Румыния, Болгария, Вьетнам, Чехословакия, Лаос, Мозамбик, Ангола, Эфиопия, НДРЙ, сам Афганистан и, наконец, Гренада. Американцы запомнят это голосование и, уже при Рейгане, показательно накажут маленький сотысячный народ, совершив агрессию против страны, занимающей всего 344 квадратных километра.

Хотя логика в действиях Рейгана будет отчетливо просматриваться. Если можно СССР, почему нельзя нам? Мир был подобен улице, поделенной на две враждующие банды, каждая из которых устанавливала свои собственные правила игры на своей территории.

В самих Соединенных Штатах президент Картер, теряющий очки в погоне на очередных президентских гонках, вынужден занять жесткую, почти агрессивную позицию. Захваченные американские заложники в Иране и вторжение советских войск в Афганистан превращают огромный регион в зону антиамериканского действия.

Здесь уже не до риторики. А выступающий с крайне правых позиций кандидат республиканцев Рональд Рейган ставит это в вину администрации демократов.

В марте спохватившийся Президиум Революционного Совета Афганистана наконец ратифицирует ввод советских войск, словно в насмешку подтверждая их легитимность.

14 мая Бабрак Кармаль выступает с Заявлением о программе политического урегулирования вокруг Афганистана, явно подсказанной ему советниками с севера. Но войны еще нет. Неправда, что с первого дня весь афганский народ поднялся против захватчиков. Первые полтора-два года сонная, мирная, спокойная страна с недоумением и страхом глядела на непонятных «шурави». Да и солдаты вели себя спокойно по отношению к мирному населению, если не считать некоторых мелких стычек.

Самым убедительным примером является тот факт, что сам Бабрак Кармаль приезжает в СССР почти на три недели, разъезжая по стране с 16 октября по 4 ноября 1980 года.

Спустя несколько лет его преемник Наджибулла уже не сможет себе позволить отлучаться на такой длительный срок.

Но пока все спокойно. Активисты Народно-демократической партии продолжают обличать духовенство, говорят о социализме, призывают вступать в кооперативы. По совершенно идиотскому предложению кого-то из советских советников (история не сохранила нам имени этого уникального кретина) проводится даже конференция духовенства. Причем по выработанному графику: после конференции молодежи, женщин (это в исламской-то стране!), представителей сельских кооперативов, писателей и журналистов.

Радостный Бабрак Кармаль с восторгом докладывает дорогому Леониду Ильичу при личной встрече об успехах социализма в его стране. А в это время уже проявляют недовольство сельские жители, которых насильно записывают в кооперативы; племенные образования, чьи женщины «избирают на конференции»; наконец, духовенство, довольно нейтрально относившееся к событиям декабря 1979 года и в соответствии с установками социалистического безбожия подвергаемое преследованиям и травле.

Спустя несколько дней после встречи с Брежневым Бабрака Кармала привезут на юг страны в солнечный Тбилиси. Высокого гостя принимает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Первый секретарь ЦК КП Грузии радушный хозяин и верный друг Эдуард Шеварднадзе. Какие тосты произносятся в этот день, какие здравицы звучат в честь друг друга, как угощают гостя!

Надо отметить, сам Шеварднадзе в тот день, 20 октября, пил меньше обычного. На следующий день он вылетел в Москву, где решался вопрос его старого приятеля еще по комсомолу Миши Горбачева.

А пока звучали радостные речи в честь приезда дорогих афганских гостей.

Ни Бабрак Кармаль, ни кто-либо из сидевших в этот день за столом людей и не подозревал, что спустя девять лет именно министр иностранных дел Советского Союза, говоривший такие солнечные тосты за дружбу, член Политбюро ЦК КПСС Эдуард Шеварднадзе «сдаст» своих афганских друзей. Но это будет только через девять лет.

А пока довольный Бабрак Кармаль, человек достаточно ничтожный, волею судеб оказавшийся на вершине власти, хвостун, пустомеля и немного авантюрист, поднимает бокал с лучшим грузинским вином за здоровье хозяев встречи.

Через три дня Бабрака Кармала будут принимать уже в Ленинграде. И невзрачный Романов, наводивший гораздо больший ужас на северную столицу империи, чем многие из его однофамильцев, будет так же радушно принимать гостя.

Бабрак Кармаль еще и не подозревает, что в его стране уже зреет, ширится недовольство, он продолжает свое изумительное турне по империи, убежденный, что ее мощь гарантирует спокойствие и ему самому.

Дорого пришлось заплатить в том году за Афганистан. Нет, еще не было, или почти не было, убитых и раненых, еще не началась полномасштабная партизанская война афганцев против своих неверных и «шурави», еще не заговорили пушки.

Но Олимпийские игры 1980 года, которые должны были стать триумфальным фейерверком побед советских спортсменов, своего рода выставкой достижений социалистического спорта и социалистического образа жизни, провалились. Лишь восемьдесят одна страна прислала своих представителей. Не было сильнейших сборных США и ФРГ. Отказались прислать свои делегации многие развивающиеся страны.

Американцы, конечно, тогда сжульничали. Они благополучно провели свою Олимпиаду 13 – 24 февраля 1980 года в Лейк-Плэсиде, даже не заикнувшись о бойкоте. Олимпиаду выиграла сборная СССР. Американцы оказались на третьем месте, пропустив и сборную ГДР. Но вот после этой Олимпиады они вдруг вспомнили о бойкоте. И решили сорвать удовольствие Советам. Наивные люди.

Спустя четыре года, уже при Черненко, советская сборная в свою очередь не поедет в Америку на XXIII Олимпийские игры. У старцев из Политбюро окажется хорошая память.

К концу восьмидесятого советских лидеров гораздо больше Афганистана будет волновать Польша. Внешне удачный опыт вторжения в южную страну и «памятная помощь» Венгрии в пятьдесят шестом и Чехословакии в шестьдесят восьмом станут своего рода напоминанием о возможности наказания антисоциалистических элементов в Польше. Какой-то электрик Лех Валенса начнет устраивать забастовки, рабочие тысячами начнут выходить из профсоюзов, из партии.

В сентябре по прямому требованию из Москвы 6-й Пленум ЦК ПОРП уберет Э. Герека – слишком либерального и нерешительного, по мнению Москвы, политика.

Избранный на его место пятидесятитрехлетний Станислав Каня должен будет наводить порядок в стране. Первое, что сделает Каня, это посетит Советский Союз для получения руководящих указаний.

К этому времени Брежнев совместно с другими членами Политбюро наконец уберет строптивного Косыгина ⁵, заменив его на своего ставленника, семидесятипятилетнего Николая Тихонова, представляющего так называемую «днепродзержинскую группу» соратников Генерального секретаря.

⁵ А. Н. Косыгина по непонятным мотивам больше других не любил А. А. Громыко, что отразилось и в его мемуарах.

Наконец 4 ноября 1980 года на пост Президента Соединенных Штатов Америки будет избран Рональд Рейган, буквально разгромивший бесславно ушедшего Джимми Картера. Начнется новая эра в истории Америки.

А Шеварднадзе, конечно, успел прилететь на октябрьский Пленум ЦК КПСС.

Обсуждались скучные доклады Председателя Госплана И. К. Байбакова и министра финансов В. Ф. Гарбузова о проектах плана и бюджета страны на будущий год.

В конце Пленума, как всегда единогласно, из кандидатов в члены Политбюро был переведен секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

ГЛАВА 11

Они впервые собрались вместе. Все девять человек. Орлов и Затонский по просьбе Асанова не участвовали в этой первой встрече. Он оглядел свою группу. Все молча ждали его первых слов.

– Прямо мини-Советский Союз, – пошутил генерал. – Все нации и народности.

И сразу спало напряжение. Все заулыбались, задвигали стульями. Собравшиеся впервые внимательно разглядывали друг друга. Самым старшим и опытным после Асанова был подполковник Рахимов.

Генерал знал его уже более десяти лет. Выдержка, собранность, умение быстро принять правильное решение, отличные аналитические способности; Рахимов вполне мог возглавлять группу. И может, спасти, вывести группу в случае смерти самого Асанова.

Сидевшая в углу подполковник Падерина формально была третьим человеком в группе по своему воинскому званию, хотя Асанов не хотел об этом думать. Она снова распустила свои длинные волосы и, хотя сидела в маскировочном костюме, имела вид далеко не походный. Но остричь волосы нельзя – это Асанов знал хорошо.

Первым он представил Рахимова – как своего заместителя. Чуть помедлив, представил Падерину как второго заместителя. От него не укрылось, с каким любопытством глядели на подполковника внешней разведки его офицеры. Третьим заместителем он назвал майора Машкова.

Следующим шел прилетевший вчера майор Константин Семенов. Якут по национальности, Семенов имел характерный разрез глаз и темные волосы, большой, чуть придавленный нос, узкие губы. Небольшого роста, он удивительно мягко передвигался, словно уже находился в горах.

Майор Абдулло Ташмухаммедов говорил по-русски, пожалуй, лучше всех. Он окончил филологический факультет МГУ, а уже затем был взят на работу в разведку из АПН. Вместе с тем он хорошо ориентировался в Афганистане, знал эту страну и провел в ней более пяти лет, работая на стыке афгано-пакистанской границы. Он отвечал за магистральную дорогу Кандагар – Кветта, откуда шло вооружение для моджахедов. Очень часто советские штурмовики успевали наносить прицельные бомбовые удары во время передвижения техники, приводя в ужас моджахедов. Те и не подозревали, что узбек Абдулло, скромный владелец лавки в Кандагаре, офицер советского КГБ.

Капитан Альберт Елагин, прилетевший вместе с Семеновым из Москвы, сразу всем понравился своей веселой, добродушной улыбкой и открытым характером. Он даже пытался приставать к Падериной, едва войдя в комнату, пока с ужасом не узнал, что она подполковник.

– Первый такой случай в моей жизни, – шептал Елагин под оглушительный смех своих товарищей.

Последним Асанов представил капитана Борзунова и Чон Дина. Они были чем-то похожи друг на друга: оба невысокие, мобильные, словно выточенные из железа, с неподвижно застывшими лицами, похожие на два спусковых крючка, готовых в любую секунду к выстрелу.

Асанов был прав, когда говорил о мини-стране. Таджики по национальности, он имел в составе своей группы казаха Рахимова, корейца Чон Дина, узбека Ташмухаммедова, якута Семенова, полутуркменку Падерину, воронежца Машкова, сибиряка Борзунова и русского Елагина, родившегося в Риге.

Аналитики дали свои подробные рекомендации с учетом особенностей их группы. Для непосредственных контактов могли выдвигаться пары Рахимов – Чон Дин или Асанов – Семенов. В первом случае обоих офицеров вполне могли принять за живущих в долине киргизов или корейцев, во втором – Асанову даже не нужно было притворяться: в северных областях

Афганистана жили сотни тысяч таджиков. А Семенов был похож скорее на китайца или киргиза.

Для непосредственного контакта в городе или в кишлаке могли уходить уже подготовленные Падерина – Ташмухаммедов. По рекомендации экспертов, Машков – Борзунов – Елагин должны были обеспечивать только огневое прикрытие группы, не появляясь при свидетелях. Языками, кроме Асанова, владели Рахимов, Падерина, Ташмухаммедов, Чон Дин. По данным СВР, полковника Кречетова, легко раненного при взятии в плен, держали в лагере Нуруллы, у Зебака. Судя по сообщениям резидента СВР, очевидно знавшего банду Нуруллы, бандиты готовились через две недели перебраться на юг, в Кунар, северо-восточную провинцию страны, с тем чтобы перейти границу у Асадабада.

Все это Асанов излагал привычным спокойным, чуть глуховатым голосом.

– Нам придется действовать в очень тяжелых условиях, – подчеркнул генерал, – все время в горах, в разреженной местности, на высоте тысяч метров над уровнем моря. С сегодняшнего дня все принимают таблетки, выданные в нашем медицинском центре.

– Все? – спросил Чон Дин. Он чувствовал себя в горах, как дома.

– Все, – кивнул генерал, – без всяких исключений. Наше место высадки – вот эта небольшая долина, между Файзабадом и Джурмом. Придется лететь ночью. Днем парашюты могут быть заметны из соседних кишлаков. Все прыгали с парашютом ночью?

Все молчали.

– Значит, все, – обрадовался генерал. – Тогда все в порядке. По реке Кокче мы поднимаемся вверх по течению, огибаем Джурм и идем дальше. Здесь, у небольшого селения Лими, мы сворачиваем и идем на Зебак. Вот тут дорога очень трудная – придется идти через горный хребет. Это, правда, не сам Гиндукуш, но все-таки почти рядом. Прошедшим, можно сказать, почти гарантируется звание мастера спорта по альпинизму. Выходим к лагерю Нуруллы ориентировочно через три дня. Первыми отправляются Ташмухаммедов – Падерина. Вторая пара – Рахимов – Чон Дин. Сейчас я вам покажу отработку взаимодействия в лагере Нуруллы.

Он начал чертить схему. Все восемь офицеров внимательно слушали его.

В соседней комнате сидели Затонский и Орлов.

– Как думаете, генерал, – спросил Орлов, – у них есть шансы вернуться?

– Пятьдесят на пятьдесят, – ответил, чуть помолчав, Затонский. И отвернулся. Ему было неприятно. У группы не было и одного шанса из ста. Или, вернее, был один, в расчете на чудо. Затонский это знал. И знал категорический приказ на участие в группе генерала Асанова. Руководство СВР сочло такой вариант почти идеальным. Затонский знал также, что операция по внедрению полковника Кречетова готовилась почти полтора года. И срывать ее из-за необдуманных действий самого Затонского было нельзя. Успокаивая свою совесть, генерал старался внушить себе, что это долг офицеров группы Асанова, что он честно предупредил самого генерала. Но в душе он отлично сознавал, что группа обречена. И генерал Асанов – почти смертник. От этого было не по себе, словно он сам предавал своих товарищей.

Орлов, сидевший с ним рядом, уже рассчитывал на успех Асанова. Он знал Акбара много лет и верил в генерала, в его опыт и знания. Понимая, как трудно будет провести группу по маршруту и без потерь, он рассчитывал, что основная часть группы все-таки выберется из Афганистана, и задание будет выполнено малой кровью.

– После завершения операции, – Асанов старался говорить как можно спокойнее, внимательно вглядываясь в глаза членов своей экспедиции, – мы идем мимо Ишкашима и выходим на дорогу Ишкашим – Зебак, где нас будут ждать вертолеты. Предупреждаю, погода может быть нелетной несколько дней, поэтому вполне возможно, нам придется прорываться самим. Это еще пять дней. Запасы продуктов выданы с расчетом на десять дней, поэтому если мы сильно задержимся, нужно будет потерпеть. Или немного поголодать. Но это крайний вариант.

Думаю, за неделю мы в любом случае должны управиться. Десять дней – максимум, иначе за нами устроят настоящую охоту по всей стране. Вопросы есть?

– Офицер, которого мы идем вытаскивать, ранен тяжело или легко? – спросил Борзунов.

«Хороший вопрос, – подумал Асанов, – если бы мы действительно хотели его вытащить».

– Легко, – ответил генерал, – судя по нашим данным, он вполне может сам передвигаться.

– В банде Нуруллы есть женщины? – спросила вдруг Падерина.

– Не знаю, – изумился генерал, – вот этого не знаю. Хотя, думаю, нет. Разве только семья самого Нуруллы. Там в основном местные жители. Их семьи сидят по кишлакам.

– Какой контингент у Нуруллы? – задал вопрос Рахимов. – Какие люди?

– В основном таджики и узбеки, – генерал успел ознакомиться с подробными справками аналитических отделов СВР и ГРУ.

– Подробные карты горных перевалов нам выдадут? – уточнил Семенов.

– Разумеется. Уже сегодня, через час.

Все замолчали.

– Еще вопросы есть? – спросил генерал. – Если нет, тогда приступаем. Ознакомьтесь с документами, справками наших аналитиков, получайте снаряжение, оружие, питание. Все свободны. Подполковник Падерина остается.

Все офицеры, поднявшись, вышли из комнаты. Неслышно захлопнули дверь.

– Вы все-таки хотите участвовать в этой операции? – спросил Асанов.

– Конечно, – изумилась женщина, – а почему вы спрашиваете?

– У нас очень мало шансов. Дорога будет сложной, через горы. Вам придется идти вместе со всеми.

– Это уже второй акт, товарищ генерал. Мне казалось, мы обо всем договорились. Я не девочка, Акбар Алиевич. Я много раз видела кровь и смерть, была на войне. Буду идти вместе с вами. Постараюсь выдержать.

– Ладно, – поднялся генерал, – тогда все. Можете быть свободны.

Когда Падерина вышла, он поднял трубку телефона.

– Группа готова вылететь завтра вечером.

ГЛАВА 12

В январе восемьдесят первого в Вашингтоне состоялась церемония инаугурации нового Президента США. И почти сразу, на своей первой пресс-конференции, новый глава Белого дома заявил, что разрядка была выгодна лишь Советскому Союзу, что коммунисты максимально использовали неготовность демократических стран к подобной жестокой конфронтации. «Они присвоили себе право на любое преступление, ложь и обман, чтобы добиться своих целей, – гневно говорил Рональд Рейган. – Империя зла, – патетически восклицал он, – должна быть уничтожена».

В соответствии с его доктриной в Пакистан для противодействия советской экспансии были посланы тысячи американских советников. Началась усиленная поставка оружия, боеприпасов, техники окопавшимся в Пакистане еще немногочисленным группам оппозиции.

Всю деятельность в этом направлении координировал лично Государственный секретарь США, отставной генерал Александр Хейг.

Рейган, воспитанный в глубоко религиозном духе, добивавшийся всего в жизни исключительно своим упорством и трудолюбием, не понимал и не принимал социалистическую систему, видя главное зло повсюду в безбожных коммунистах.

Этот своеобразный парадокс уже много раз проявлялся в истории, когда самым ярким антикоммунистом и консерватором становится человек, вышедший из самых низов общества.

В отличие от благополучных аристократов, ему не свойственен своеобразный комплекс вины за свою сытую жизнь в детстве и страдания других. Как человек, сделавший сам себя, он искренне считает, что счастье индивида находится лишь в его руках, отвергая систему социальных гарантий и социальной помощи.

Парадокс заключается еще и в том, что, как правило, вышедшие из люмпенских слоев политические деятели бывают убежденными консерваторами и антикоммунистами, а отпрыски известных состоятельных, вполне обеспеченных семей разделяют либеральные, социалистические взгляды, зачастую оказываясь на крайне левых позициях.

В самом Афганистане Бабрак Кармаль продолжал совершать ошибки. В январе восемьдесят первого был принят закон о всеобщей воинской мобилизации. Изумленные миллионы крестьян, веками трудившиеся на своей земле, с ужасом узнали, что теперь должны отдавать своих сыновей на непонятную, не нужную никому из них воинскую службу.

В кочующие племена, которые традиционно вообще мало поддерживали связь с правительством, были посланы отряды рекрутов. Население дрогнуло. Оно начало понимать, что этот режим их не совсем устраивает. Тысячи ребят покидали родные кишлаки, уходя дезертирами в горы.

В феврале восемьдесят первого счастливый Бабрак Кармаль возглавляет делегацию Афганистана на XXVI съезде КПСС. Сидя в Президиуме съезда, он еще раз убеждается в правоте своего выбора, решая быстрее, более форсированно вести свой народ по пути социализма. Он отмахивается даже от объективных цифр, стараясь не замечать очевидного. Уже на второй год его правления падает промышленное производство, добыча каменного угля, соли, химических удобрений.

Загоняемые в кооперативы крестьяне отказываются работать, не понимая, для чего тогда им раздали землю.

Сокращается общая площадь посевных, падает производство хлопка, сахара, растительного масла.

В марте восемьдесят первого правительство даже вынуждено отменить задолженность более четырех миллионов людей по земельному налогу: практически каждый третий крестьянин на грани разорения.

Принимается драконовский «Закон о воде», где в нарушение всех принципов шариата определяется, кому, как и сколько платить за использование воды.

Понимая, что его образования и сил явно не хватает, Бабрак Кармаль выдвигает на пост Председателя правительства своего старого соратника и друга Султана Али Кештманда, достаточно опытного сорокапятилетнего экономиста и бывшего министра планирования.

Но маховик уже раскручен. Тысячи оставшихся без земли крестьян, разорившихся, бежавших от принудительной воинской повинности, становятся опорой оппозиции, благо в оружии и деньгах нет недостатка.

Гнев народа направляет мусульманское духовенство, почти полностью отстраненное от решения национальных проблем. Подстрекаемое с двух сторон, справа – из Пакистана и слева – из исламского Ирана, мусульманское духовенство объявляет войну неверным.

Это еще не полномасштабная война, которая начнется через полтора-два года. Но это уже партизанские действия против своих отступников и помогающих им, пришедших с севера, таких непонятных «шурави».

В Москве в это время куда больше обеспокоены событиями в Польше. Оппозиционная властям «Солидарность» приобретает невиданный размах, принимает такие формы, что в пору говорить о самом существовании социалистического строя в соседней стране.

Суслов и Устинов настаивают на военном решении вопроса, но неожиданно Андропов и Громыко проявляют непонятную на первый взгляд гибкость.

Умный Андропов, уже просчитавший все варианты, знает, как мало осталось править Брежневу. Он понимает, что польская авантюра станет катастрофой в Европе, оттолкнет от СССР всех союзников в третьем мире уже в период его собственного правления. После Афганистана, и без того вызвавшего грандиозный скандал, нельзя вводить войска в соседнюю Польшу. Это будет воспринято во всем мире как постоянное стремление советской империи решать свои вопросы исключительно с помощью танков, путем военной экспансии. Да и президент Рейган – далеко не либеральный Картер. Он просто так не смирится с вторжением в Польшу.

Подобные идеи разделяет и Громыко, понимая, как трудно выглядеть миротворцем, смотря на весь мир из танковой щели.

Брежнев, который почти не занимается делами в этот последний для себя год, тоже отказывается от силового решения вопроса.

По предложению Политбюро ЦК КПСС в Польше убирают чересчур мягкого, нерешительного Станислава Каня и на его место выдвигают генерала Войцеха Ярузельского, бывшего министра национальной обороны, уже ставшего к тому времени Председателем Совета Министров страны.

К ноябрю в руках Ярузельского – все высшие посты в партии и правительстве. Этому генералу, немного напоминающему другого, чилийского, генерала, также ставшего диктатором, постоянно появляющемуся в черных очках, советские руководители доверяют гораздо больше.

Вопрос стоит однозначно: или Ярузельский вводит военное положение в стране, или в Польшу с трех сторон вторгаются войска стран Варшавского Договора. Третьего не дано.

Нужно отметить, что, в отличие от Афганистана, по Польше у Андропова имелось гораздо больше информации. Страна была буквально нашпигована секретными агентами и информаторами КГБ. В самом КГБ, безусловно, обращают внимание на тот факт, что большинство руководителей «Солидарности» – лица, не подходящие по пятому пункту. Евреи Мойзеш Финкельштейн, Яцек Курень, Адам Михник становятся прекрасными раздражителями для руководства КГБ и КПСС, вполне вписываясь в теорию всемирного сионистского заговора.

Разумеется, сам Андропов эти бредни не разделяет. Он достаточно умен, чтобы не доверять подобным измышлениям. Не изученный до сих пор феномен этого человека, сочетавшего в себе изумительную жестокость и непонятное мягкосердечие, трудно объяснить.

Юрий Андропов был, безусловно, выдающимся политиком.

В отличие от многих коллег из Политбюро он прекрасно знал обстановку в стране и во всем мире. Осознавая, какие проблемы стоят перед обществом, Андропов делал все, чтобы как-то изменять, трансформировать общество, не меняя самого базиса.

Позднее многих членов Политбюро будут называть просто фарисеями, закрывающими глаза на реальную жизнь.

Эти утверждения далеки от истины. И Брежнев, и Андропов, и их коллеги по Политбюро, во всяком случае наиболее заметные – Сулов, Косыгин, Громыко, Устинов, Черненко, Пельше, – искренне верили в тот путь, который избрала страна в октябре семнадцатого.

Трудно представить «перестроившихся» Сулова или Устинова, уже в наши дни говорящих о преимуществах капитализма.

Будучи коммунистами, они считали, что это единственно правильный и верный путь для народов всех стран. Можно не соглашаться с их идеалами, но нельзя делать из них фарисеев. И вводя войска в Афганистан, и продолжая свою политику в Польше, они заботились прежде всего о процветании самой империи и защите своих социалистических идеалов. Можно не принимать их взглядов, но понять мотивы, руководившие ими, необходимо.

Как необходимо понимать и мотивы консерваторов Рейгана – Тэтчер, столь последовательно борющихся против ложных и опасных, на их взгляд, идей.

Мир, разделенный идеологическим противостоянием на два лагеря, имел свою палитру красок и свои акценты. Сегодня, спустя всего лишь десять-пятнадцать лет, мы начинаем в какой-то мере забывать об этом.

В декабре восемьдесят первого Ярузельский вводит наконец военное положение в Польше; при этом, конечно, ему помогают и подсказывают советские советники. День был выбран с таким расчетом, что низкая, плотная облачность помешает американским спутникам обнаружить скопление войск и техники у всех крупных польских городов.

Под контроль были взяты границы, аэропорты, вокзалы. Утром тринадцатого разом отключили телефонную связь по всей стране. По разработанной схеме были арестованы почти все руководители «Солидарности». К чести Ярузельского, он не опустился до примитивной мести, не разрешил физических репрессий.

Были запрещены забастовки, митинги, приостановлена деятельность общественных организаций, профсоюзов. Даже советские инструкторы не ждали подобной четкости и организованности.

Генерал Ярузельский, по существу, спас Польшу от повторения венгерского опыта пятьдесят шестого и чехословацкого шестьдесят восьмого. Он защитил страну от гражданской междоусобицы, сумел не допустить иностранного вмешательства, восстановить порядок в государстве. Пусть полицейский, жандармский, но порядок, когда граждане, в большинстве своем, чувствуют себя в безопасности, под защитой армии и сил правопорядка. Обыватель торжествует, а разве в любом государстве обыватели не составляют большинство?

В Афганистане осенью уже начались первые бои на юге страны. Еще не вполне оформившиеся, еще неопытные отряды оппозиции предпочитали наносить удары по постам афганской армии, не решаясь вступать в схватки с советскими частями.

В Москве в эти дни широко отмечали семидесятипятилетие выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, пламенного борца за мир и прогресс Леонида Ильича Брежнева!

Уже получивший все, какие можно награды, маразматизирующий Генсек стал пятикратным героем, генералиссимусом, получил орден Победы и даже афганский орден из рук тоже верного ленинца и борца за мир Бабрака Кармаля.

Апофеоз идиотизма достиг своего пика.

Дальше начиналось падение.

Стоявший в тесном кругу ближайших соратников Брежнева Юрий Андропов, привычно улыбаясь, хлопал в ладоши. Глядя, как целуются Брежнев и Суслов, он снова и снова думал о необходимости перемен.

А Суслов еще не знал, что это будет его последний поцелуй в жизни с Брежневым. В январе восемьдесят второго после оглушительного скандала он скорострительно скончался, оставив несчастному Генсеку почти риторический вопрос: кто станет преемником Суслова, вторым человеком в партии, а следовательно, в государстве и во всей империи: Юрий Андропов или Константин Черненко? Первого Брежнев не любил и побаивался, второго любил и всячески поощрял. Но выбрать пришлось первого. К тому времени у Брежнева просто не было других вариантов.

ГЛАВА 13

Они начали погрузку в самолет в пятом часу вечера. Сначала укладывались грузы, снаряжение, затем в самолет поднимались по очереди, прощаясь у трапа.

Затонский и Орлов провожали группу в аэропорту. Асанов внимательно наблюдал за погрузкой. Ребята делали все четко и аккуратно. Вместе с ними летели еще несколько десантников для прикрытия в случае обнаружения группы на месте, офицеры из штаба и двое инструкторов. Последний офицер исчез в чреве самолета. Асанов повернулся к Орлову.

– Товарищ генерал, группа погрузилась, разрешите взлет.

– Разрешаю. Удачи тебе, Акбар, – обнял его Орлов.

– Постарайтесь остаться живым, – пожелал на прощание Затонский, крепко пожимая руку.

Асанов поднялся в самолет. Хлопнула дверца люка, отделяя пространство самолета от внешнего мира. Взревели моторы. Самолет покатил по бетонной полосе.

Асанов, сидевший рядом с Рахимовым, оглядел свою группу. У всех – спокойные, сосредоточенные лица. Что-то смеясь рассказывает Елагин сидевшему рядом Семенову. Ташмухамедов внимательно осматривает свой парашют. Чон Дин, прислонившись к спинке скамьи, закрыл глаза. Борзунов, напротив, с интересом разглядывает остальных участников группы.

Машков молча слушает разговор Елагина с Семеновым. Ему интересно, но он молчит, не вмешивается. Падерина, встретившись взглядом с Асановым, чуть улыбается.

Группа достаточно опытная, боевая. Они могли бы действительно вытащить Кречетова при таком раскладе, подумалось Асанову. Если бы они шли действительно выручать полковника. Но их задача сложнее – продемонстрировать готовность и сорваться на последнем этапе.

Только чудо могло сохранить жизнь всем членам его группы при таком задании, и Асанов это хорошо понимал. Но как боевой офицер, он хорошо понимал и другое. Акция по спасению Кречетова просто необходима для его закрепления в Афганистане и, в конечном итоге, для успешного проведения операции российской разведки, ради которой они летят теперь, рискуя не вернуться.

Только генерал Асанов знал все подробности этой операции, и только он один имел право знать, что их полет – всего лишь демонстрация силового давления. Заранее обреченная неудачная попытка.

– О чем думаете, Акбар Алиевич? – неожиданно спросил его Рахимов.

– О нашей группе, – честно ответил генерал. – Трудный у нас переход.

– С такими ребятами пройдем и этот хребет, – улыбнулся Рахимов, – не в первый раз.

– Меня беспокоят сообщения о людях Нуруллы, – тихо произнес Асанов. – Видимо, это не просто бандиты. Они связаны с резидентом ЦРУ в Джелалабаде. А это уже большая политика.

Рахимов молча кивнул и не сказал больше ни слова. Слышался ровный гул моторов. Асанов поднялся, проходя мимо инструкторов и офицеров сопровождения в кабину пилотов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.